

Наталя АНДРЕЕВА

ПРОИГРАВШЕМУ
ДОСТАЕТСЯ
ЖИЗНЬ

ДЕТЕКТИВ

Наталья Андреева

Проигравшему достается жизнь

«Автор»

2009

Андреева Н. В.

Проигравшему достается жизнь / Н. В. Андреева — «Автор»,
2009

ISBN 978-5-17-061674-9

Он всегда восхищался ее. Ее гибкими руками, восхитительным лицом, красотой ее движений. Его чувство – чувство профессионала, влюбленного в свою модель. Но что-то случилось. Что? Ее лицо по-прежнему прекрасно. Но жесты скованны и убоги. Она не владеет своим телом. Да и она ли это – девушка, одним взглядом, одним поворотом головы сводящая мужчин с ума? Или перед ним самозванка, присвоившая чужую красоту? Но возможно ли такое? Он должен докопаться до истины, иначе сойдет с ума...

ISBN 978-5-17-061674-9

© Андреева Н. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
1. 1	5
1. 2	13
1. 3	17
1. 4	21
1. 5	25
1. 6	31
1. 7	35
1. 8	39
1. 9	44
1. 0	47
Часть вторая	49
2. 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Андреева

Проигравшему достаётся жизнь

Часть первая

1. 1

– Осторожно, двери закрываются... Следующая станция...

Спать... Как же хочется спать... Голова клонится, глаза слипаются... И привыкнуть к этому невозможно... Спать хочется всегда...

Вот уже пять лет, зажатая со всех сторон людьми в переполненном вагона метро, она в полудреме слышит: «Осторожно, двери закрываются...» Московское утро, будни, огромный город просыпается, улицы постепенно заполняются людьми, дороги машинами, они все прибывают и прибывают, так быстро, что повсюду образуются заторы. Когда всходит солнце, город уже стоит в мертвых пробках, но жизнь в нем тем не менее кипит, благодаря мобильным телефонам и Интернету. Ежесекундно эфир разрывают сотни тысяч звонков, SMS, электронных писем... Здесь люди не живут, здесь они делают деньги. Потому и терпят.

Марта Свежакова среди тех, кто с утра спешит на работу и получает весь этот негатив: забитые до отказа электрички, давку на входе в метро, хмурые лица усталых, издерганных людей, которые тоже спешат на работу. И так с понедельника по пятницу, а иногда и в субботу. Плюс– минус пятнадцать минут вынужденная арифметическая погрешность: электричка задержалась или же лил дождь, дул сильный ветер и затеялась маленькая война с зонтом, перекопали дорогу, пришлось топать в обход, по доскам, и в щель между ними попал каблук... Или поезд какое-то время стоял в темном тоннеле метро... Неприятные мелочи жизни, из которых складываются пятнадцатиминутные опоздания на работу, больше она себе позволить не может. Больше – это штраф. И серьезный. К тому же дорога рассчитана по минутам: подъем в шесть тридцать утра...

Да, она во всем любит точность. Потому что она бухгалтер. Казалось бы, чего стесняться? Такая нужная, такая важная профессия, и к тому же неплохо оплачиваемая. Но, отвечая на банальный вопрос «кем вы работаете?», Марта вдруг начинает давиться словами и первым почему-то выползает это злосчастное «менеджер». «Ну по работе там с... с важными документами». Хотя во всевозможных анкетах в графе «профессия» она с гордостью пишет «бухгалтер», потому что это гарантия платежеспособности и уважительного отношения. Но это уважительное во всех смыслах отношение уже поперек горла стоит, потому что... Глубокий вздох.

В общем, она не замужем. Вот представьте: к вам подходит знакомиться симпатичный молодой человек. В метро там или на улице. Слово за слово, и наконец: «Девушка, а кем вы работаете?» Ее лучшая подруга Майя лепит, не задумываясь:

– Любовницей у своего шефа!

И, кстати, говорит чистую правду. Эта работа приносит доход гораздо больший, чем сведение балансов, черных и белых, хотя по справедливости все должно быть наоборот, потому что и.о. главного бухгалтера фирмы Марта Свежакова спины не разгибает. Зато любовница хозяина выходит в ночную смену, ежели это угодно Его Величеству, ловко врет по телефону о «деловых переговорах в ресторане» и «заседаниях правления», а пару раз в месяц о «срочных командировках за границу»; шеф, разумеется, женат. Справедливость есть только «по-белому», в платежной ведомости для налоговой инспекции, но в конверте Майя получает гораздо больше чем Марта. Два весенних месяца, а какая между ними разница! Все правильно:

ну кто, скажите, любит весенний месяц март? Ледяной ветер, липкий мокрый снег, под ногами хлупает холодная вода, и до лета еще далеко. Б-р-р... Вот май – да! В мае все мысли уже только об отпуске, стоит только закрыть глаза, и перед тобой проплывают море, белый корабль, солнечный пляж...

И сама Майя – человек солнечный, легкий. Она – яркая брюнетка с глазами травяного цвета и страшно этим гордится. Все правильно: зеленые глаза редкость. А у Майки вдобавок к ним черные кудри, грудь третьего размера, тонкая талия, длинные стройные ноги. Майя – красавица, женщина-праздник, не то, что унылая Марта. Почему ее так называли? А догадаться трудно? Ну разумеется, она родилась 8 Марта, в Международный женский день! Ей подарили редкое имя, но на этом подарки закончились. Нет у нее ни стройной фигуры, ни зеленых глаз и пухлых губ, таких, как у той же Майки.

Так вот: подходит к вам симпатичный молодой человек...

Это называется: раз мечталась! Вот с ее красивой подругой знакомятся постоянно. На улице, в метро, в автобусе... Стоп-стоп-стоп! Когда это Майка ездила в общественном транспорте? Разумеется, богатый любовник подарил ей машину! И собирается купить квартиру! И все равно с Майей знакомятся в общественном транспорте! С ней везде знакомятся! А у Марты почему-то все время спрашивают дорогу.

– Девушка...

Сердце сладко замирает. Ну, пусть спросит: «А кем вы работаете?» Она тоже ответит что-нибудь оригинальное. Слово за слово, ха-ха, хи-хи, и вот они уже идут в кафе... Нет, сначала пусть спросит: как вас зовут? Так правильнее.

– А как пройти на улицу м-м... – ковскую?

Вид у нее, что ли, такой? Всезнайки. Ходячий справочник, девушка с лицом совы из популярной передачи «Что? Где? Когда?». Вот это в самую точку! Не в имени дело. Майя – красавица. А ты нет. Про таких, как ты, говорят: страшненькая. Или «женщина с изюминкой». Это чтобы не обидеть. И уже без разницы, что у тебя практически нет недостатков, что ты умная, принципиальная, ответственная, пунктуальная... Ты – мудрая Сова. Плоское невыразительное лицо, курносый нос, скошенный подбородок, глаза... Скажи еще: зеркало души! Так что ж твое зеркало такое тусклое и такое... такое... Ну как бы это сказать? А никакое. Где она, эта изюминка? Так глубоко запрятана, что желающих поискать ее до сих пор не нашлось.

Есть женщины, которые умело пользуются косметикой. Вроде бы ничего особенного, но лицо с утра нарисовала, волосы уложила – начесала, и – красавица! Есть дамы с хорошим вкусом, которые берут шармом и умением подать себя. А есть женщины, которые вроде бы и хотят, но не умеют. И которых косметика не красит, она только подчеркивает их недостатки. Представьте себе: есть такие! Вот сидит Марта Свежакова, и.о. главного бухгалтера фирмы по продаже... Не важно, что именно продает ее фирма, таких фирм в Москве... И работы у Марты всегда будет хоть отбавляй. Но где, скажите, ей взять мужа? А детей? Если с ней никто не знакомится. Ни на улице, ни... В общем, нигде. И рядом с ней красивая подруга, которая тоже не замужем и не имеет детей, но зато она имеет внимание всех без исключения мужчин, которые подходят к двум высоким девушкам: блондинке и брюнетке. На дискотеке в ночном клубе, в ресторане, на улице, на пляже... Да мало ли где? Подходят! Зеленые глаза – как магниты, всякий, кто ловит их взгляд, невольно замедляет шаг. Но ни один из тех, кто подошел, еще не заинтересовался Мартой, все затевали нешуточную битву за Майю, а Марта шла «в нагрузку». И даже в нагрузку ей еще ни одного не удалось заманить к себе домой, на чашечку кофе.

– Это твой подъезд?

– Да. Семь ступенек. Дверь железная, код 1536 К 338.

– А на каком этаже ты живешь?

– На одиннадцатом. Квартира номер триста тридцать восемь. У меня две комнаты. Я живу одна. Мой номер телефона 8-909...

– Я тебе обязательно позвоню, – торопливо. – Ну, пока...

Больше она не видит всех этих мужчин. Сказала тоже: всех! Это было-то раза два, не больше, остальные оставляли ее на входе в метро и даже без поощрительного поцелуя в щечку.

– Я тебе позвоню. Пока...

Не надо думать, что она их не добивалась и не звонила сама, если удавалось заполучить номер телефона. Напоминала о своем существовании. Какая уж тут гордость!

– Кто? Марта? Не помню...

– У меня еще подруга красивая. С зелеными глазами...

– Да, да, да... Как она, кстати?

Дальше разговор идет только о Майе, и если тот, кого она добивается, и соглашается на свидание, то только втроем. Для того чтобы Марта свела его с красивой подружкой. И тогда она уже сама прерывает разговор и больше по этому номеру не звонит. Никогда.

Обидно? Еще как!

Почему она дружит с Майей? Да потому что все остальные сотрудницы ее отдела замужем! После работы они спешат к мужьям, к детям, выходные и отпуск проводят с семьей. И у них другие интересы, общаться с ними Марте невыносимо. Она прекрасно понимает: двадцать шесть, уже пора. И давно пора. Не замуж, а хотя бы так. Встречаться. Звонить, хотя бы изредка. Спрашивать: как дела? И ждать, когда редкие звонки и встречи перейдут в стадию более прочных отношений, и, следуя логике событий, закончатся свадьбой.

Но у Марты никого нет. И никогда не было, не считая эпизода в турпоездке, четыре года назад. Похоже, ее перепутали с Майей, увидев в номере, за занавеской, женский силуэт, а та как раз ушла в апартаменты к очередному любовнику, позабыв о назначенном свидании. И ночью, когда все кошки серы, перебрав виски по системе «все включено», мужчина, который все время называл ее Майей, сделал Марту женщиной, чего наутро, протрезвев, сам же испугался. И поспешно съехал в другой отель.

Марта даже фамилии его не знала, чем занимается, женат ли?

– Не женат, – успокоила ее Майя. – Он мне замуж предлагал. А фамилию я тоже не знаю. Тебе-то какая разница? Время весело провела?

– А вдруг ребенок?

– Аборт сделаешь.

– Ты с ума сошла!

– Разве? Я их, знаешь, сколько сделала, пока не поумнела.

– Поумнела, это как?

– Тебе еще рано. Вот когда у тебя будет постоянный любовник, я тебе скажу.

Любовника не было. И других эпизодов тоже не было. Было глухое отчаяние и слезы в подушку. И поездок на курорт с красивой подружкой Марта стала под разными предлогами избегать. Потому что это было унижительно.

– Это я, твой зайка! Ответь мне!

Она вздрогнула. Мужской голос с хрипотцой, прямо над ухом! Ах, это звонок мобильного! Прямо перед ней на эскалаторе стоит девушка. Ну, ничего особенного! Низенькая, толстая, волосенки жиденькие, крашенные! И, судя по всему, дура набитая! Такой рингтон выбрать! Чтобы все знали, что у нее есть мужчина! Ах, скажите, пожалуйста!

– Да, котик, слушаю...

Так котик он или зайка? Что там за животное, на том конце эфира? Но все равно: у нее есть! Животное, не животное, какая разница? У этой... Не знаешь даже, как сказать... У этой замарашки есть! Мужчина! Котик, зайчик, рыбка, свинка... Какая-нибудь тварь... Ходящая, ползущая, плавающая... Да какая разница? Главное, что мужского пола!

Ненавижу! Она вздрогнула. Ну, вот вам, пожалуйста, острый приступ зависти во внеурочное время, за двадцать минут до начала рабочего дня, прямо с утра!

– Извините...

Подвинула замарашку плечом и шагнула вперед.

– Куда прешь? – огрызнулась та.

– Вы что не знаете, что в проходе стоять нельзя?

– Я тебе, рыбка, потом перезвоню... Да где, где! В метро! Эй, ты! – это уже Марте. – Коза!

Через плечо:

– Деревня! Понаехали тут...

До чего ж охота поскандальить!

– А вы, москвичи, зажрались!

– Колхозница!

– Корова!

– Да пошла ты...

– Сама пошла!

Она не пошла, побежала. Вверх по эскалатору. Замарашка взмахнула сумкой, пытаясь ее достать, потеряла равновесие и шлепнулась на ступеньку, а пока поднималась, эскалатор дополз до самого верха. Когда Марта оглянулась, толстушка на карачках ползла по непрерывно движущейся ленте. Народ посмеивался.

– С утра нализалась, – отчетливо сказала в микрофон дежурная, сидящая в стакане у эскалатора. И на выдохе, залпом: – Граждане пассажиры! Соблюдайте правила безопасности во время поездок в метро! Не стойте в проходе, держитесь правой стороны! Девушка, поднимайтесь уже! Не хватало еще, чтобы вас всосало!

Красная, как рак, девица проворно вскочила. Дальше Марта уже не слушала, поспешила к выходу из метро. До офиса идти еще минут семь, да причесаться, подкраситься, в себя прийти, так что надо поторопиться.

... – Ты чего такая злая? – В Майкиных зеленых глазах любопытство.

– Я злая? Нормальная.

– Тебе шеф велел зайти.

– Хорошо, зайду.

Шеф у них молодой и красивый. Выбор у зеленоглазой Майи был, и она сделала его сознательно. Да, жена, ребенок, но все это в другой жизни. Жена на Рублевке, там же ее родители, там же его родители, его маленькая дочка.

А здесь – Майя. Полновластная хозяйка и царица. Жена сюда не заглядывает, у нее, похоже, своя жизнь. Брак по расчету, слияние капиталов, ребенок тоже по расчету, наследник слившихся капиталов. Няньки, гувернантки, личный шофер, салоны красоты, бутики эксклюзивной одежды, дорогие рестораны... Ну, еще совместный отдых с выбранным родителями супругом и рожденным от него ребенком.

Все они живут нормально, в полной гармонии. Он, то есть шеф, его жена, ребенок, их с женой родители и Майя. Все друг про друга знают и относятся к этому тоже нормально. Майя даже участвует в дележе прибыли фирмы, ведь она выполняет в ней важную функцию. Она не просто любовница, она лицо крайне заинтересованное, поэтому передает шефу все офисные сплетни и кто из сотрудников чем дышит. Тайный осведомитель. Это тоже нормально. Майе все врут, она же за это на всех наговаривает. В ее власти уволить любого. Не лично, конечно, она по должности всего лишь секретарь шефа, но именно она проводит с ним времени больше, чем любой другой из сотрудников и даже членов его семьи. И, кстати, на фирме текучка небольшая, все, что происходит, сотрудники воспринимают тоже нормально. Майя – не худший вариант. Ее амплуа – «добрая стерва». Майя на всех орет, но зато у нее полный карман пряников, и если перетерпеть, не сорвавшись, можно получить поблажку. С работы пораньше уйти или отпроситься во внеочередной отпуск.

– Марта, садись.

Села. Шеф, ну просто картинка из глянцевого журнала! Глаз не оторвать! Не ползающее, а летающее, хотя тоже тварь. Всех, кто не то что ползает, а ниже летает, замечает лишь для того, чтобы клюнуть, да побольнее. А уж если получится сбить, так наш орел просто в восторге! Самодовольный и самодостаточный, дитя рыночной экономики, нездоровое порождение здоровой конкуренции, у него не любовь, у него маркетинг, долгосрочная стратегия.

– Давно хотел с тобой поговорить...

– Да, Игорь Павлович?

– Ты у нас и.о. главного бухгалтера и с этим надо что-то делать.

– Согласна с вами, Игорь Павлович.

– Я тебе за подпись главного доплачиваю...

– Но ситуация не совсем... В общем, как-то надо... – она замялась.

Понятно, что надо повысить в должности ее, Марту. Не и.о. оставить, а сделать полноценным главным бухгалтером и не за подпись доплачивать, а повысить зарплату, ну, скажем, процентов на пятьдесят. Сердце сладко замерло. Ну, давай, родной! Осчастливь!

– Поэтому я даю тебе поручение. Дай объявление в Инете, и ищи по своим каналам.

– Я не поняла.

– Что тут непонятного? Ищи главного бухгалтера!

– А как же я?

– Что ты? – красавец шеф смотрит на нее с недоумением.

– Разве я не справляюсь?

– А при чем здесь ты? Насколько я знаю, ты своей должностью довольна. И потом: у тебя только колледж. А надо высшее образование.

– Но я давно просилась на курсы повышения квалификации... Если надо, я и в институт... Я готова учиться!

– А когда тебе учиться? У тебя работы не впрокорот.

– Но...

– Когда найдешь главного, я повышу тебе зарплату на ту сумму, которую доплачиваю за его подпись. Все, можешь идти.

Она встала. Чьи проделки? Майя постаралась? Но за что?!

Красавица встречает ее на ресепшн сладкой улыбкой:

– Ну что?

– Что ты ему наговорила?

– Я?! – зеленые глаза распахнуты и невинны.

– Почему он не хочет сделать меня главным?

– Марта, да ты же сама этого не хочешь!

– Я не хочу?! Я тебе этого не говорила!

– Да, но ты никогда не говорила, что хочешь!

Вывернулась! Она проглотила комок в горле и сказала:

– Не знала, Майка, что ты такая завистливая. У тебя и зарплата больше, и машина, и...

– Зато у тебя три квартиры, – моментально отпарировала подруга.

– Какие три квартиры?!

– Твоя, мамина, и та, что недавно досталась в наследство от тетки.

– Но в маминой живет мама!

– И что? Все равно будет твоя! – и ехидно: – Вы что их копите, эти квартиры? Нарочно замуж не выходите? Смотри: у тетки не было мужа и детей не было, мама никогда не была замужем и ты... вряд ли выйдешь.

– Откуда такая уверенность?

– Да ты в зеркало на себя посмотри! Сколько я тебя по курортам таскаю? И все без толку! Я, кстати, хотела тебя спросить: что с теткой квартирой делать будешь?

– Не знаю.

– Надумаешь продавать, скажи мне. И поспеши с этим. Говорят, кризис будет, жилье резко упадет в цене. Вот видишь, как я о тебе забочусь?

– С чего бы это? Подожди кризиса, купишь квартиру подешевке.

– Мне сейчас надо. Будет кризис – прибыль у фирмы снизится. Как бы вообще все не рухнуло. Надо сейчас, пока деньги есть. Как бухгалтер, кстати, оформишь проплату. Платить-то все равно Игорь будет, через фирму. Тебе выгодно, подумай. С гарантией.

– Я не знаю... Такие деньги... Ну, куда мне?

– Не знаешь, куда деньги девать? – расхохоталась Майя. – Пластическую операцию сделай! А что? Вариант!

Марте захотелось ее убить. Неужели все красавицы – эгоистки? Майя – центр вселенной. Когда ей скучно, все должны ее развлекать. Никто не должен быть ни на йоту счастливее, чем она. Майя завистлива, несмотря на то, что по красоте с ней вряд ли кто может сравниться. Но она умудряется завидовать чужим квартирам, потому что своей пока нет, и женщинам, которые замужем. Хотя ей самой никто не мешает, давно могла бы найти хорошего парня, не олигарха, зато доброго, заботливого, который любил бы ее без меры и носил бы на руках. Кто ж виноват, что холостые олигархи или те, которые могут позволить себе и такую роскошь, как развод, на вес золота? Их гораздо меньше, чем зеленоглазых красавиц. Спасибо, что хоть женатый достался! И ведь все равно, Майя умудряется завидовать!

Она и с Мартой дружит потому, что не терпит соперничества. Ей не нужна красивая подруга, она не готова делить внимание мужчин, она хочет все и сразу. И всех. Мужчин, чтоб были ее поклонниками, женщин, чтобы восхищались ее красотой и тем, сколько у нее поклонников. Эгоистка! Ни стыда ни совести!

– Марта, хочешь, я тебе это компенсирую? – с улыбочкой.

– Что именно?

– Ну, не назначили тебя главным бухгалтером. Начальницу вместе будем выбирать...

«Кто бы сомневался!»

– ... ты хорошо работаешь, и я попрошу Игоря выписать тебе премию в размере месячного оклада.

– Зачем же так много?

– ... плюс две недели отпуска.

Марта насторожилась. Благотворительностью подруга с шефом отродясь не занималась, значит...

– ... и мы с тобой поедem за границу.

– Постой... Почему со мной? Езжай с Игорем Павловичем.

– Ты же знаешь, в конце августа он отбывает семейную повинность.

– Ах, он с семьей едет отдыхать! С женой и с ребенком!

– Так надо для бизнеса.

– И второй ребенок для бизнеса тоже очень важен.

– Они с женой давно не занимаются сексом! – разозлилась Майя.

– Так то ж для бизнеса! Можно напрячься, хотя, я понимаю, как ему трудно. Бедняга.

– Я поняла: у тебя настроение плохое. Ладно, я побежала. Игорь попросил купить чемодан для поездки. Он говорит, что у меня хороший вкус. Заодно себе что-нибудь присмотрю.

«Я никуда с ней не поеду». Еще одно унижение. Шеф едет отбывать семейную повинность, а его любовница получает компенсацию в виде поездки на курорт и для компании некрасивую подружку. Умеют же люди устраивать свои дела!

Марта – разменная монета. Не человек. Как будто у нее нет чувств!

К кому идти со своими печальми одинокой неудачнице? Конечно, к маме! И вечером Марта рыдает на кухне в ее однокомнатной квартире:

- Ну, почему я такая? За что мне это?
- Успокойся, девочка моя. Все будет хорошо.
- Да ничего уже не будет!
- Господи, да что случилось?
- Мама, я хочу ребенка.
- Но для этого сначала надо замуж выйти.
- Ты же не вышла!
- Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.
- А вот повторяю! – она вздрогнула. – Слушай, а может, на нас лежит проклятие? На нашей семье. Венец безбрачия!
- Да что ты такое говоришь?
- Может, мне к гадалке сходить, а? Или к бабке. Порчу снять.
- Девочка... Да неужели все так плохо?! – всплеснула руками мама.
- Плохо! Меня все унижают! Ладно бы я была глупая... Но ведь и на работе тоже проблемы! Я так старалась, так надеялась... – она всхлипнула. – Я думала, меня сделают главным, а он мне говорит: ищи человека.
- Кто? Игорь Павлович?
- Ну да! Наверняка Майка постаралась, подружка. Неизвестно, какая у меня будет начальница. А вдруг станет ревновать? Выживать, интриги плести. Слушай, а, может, мне уволиться?
- Марта! Ты там работаешь уже пять лет!
- Ну и что? Работы, что ли, в Москве мало? Для бухгалтера всегда найдется.
- Успокойся. Денег нам хватает. Ну, жила же ты как-то.
- Вот именно: как-то! Мама, ну как ты не понимаешь? Ведь у меня нет никаких радостей в жизни! Дом – работа, работа – дом. Выходные, проходные, сверхурочные. Кто у нас не замужем? Ах, Марта! Значит, ей и выходить в субботу! Баланс сводить до полуночи тоже ей! Все равно делать нечего! А отпуск у меня всегда в одно время с Майкой! И мне надо ехать ее развлекать, а если не еду, она мне постоянно звонит! И днем и ночью! И рассказывает о своих мужиках! Ну, сколько я могу терпеть, а? Я что, не женщина? Я вообще человек? Кому я нужна?
- Мне нужна.
- Тебе понятно. Но хочется быть нужной еще кому-то. Мне надоело быть ходячим справочником. Хоть бы раз в жизни у меня спросили не «сколько времени?» или «как пройти?», а «девushка, как вас зовут?» Я сегодня ехала в электричке, а напротив мужик приставал к девушке. Говорит: «Девушка, вы мне понравились. Давайте вечером встретимся?» А она: «Не могу, я замужем». А он: «Ну, это же не конец света! А когда можете?» Представляешь?
- Ну и что тут такого?
- Да ничего! Она замужем, а к ней еще и клеятся! А я... А мне...
- Марта, но он наверняка женат!
- Ну и пусть! Пусть! Хоть женат, хоть... Господи, я уже на все согласна! Скажи, что во мне не так? Некрасивая, да. Знаю. Но ведь море некрасивых женщин счастливы, имеют мужа, кучу детей, еще и любовников иметь умудряются! Значит, что-то в них есть. А почему во мне нет? И в тебе... В тебе тоже нет! А что это такое? Где взять?
- Если бы я знала...
- Все дело в красоте. Я поняла. Вот Майка – она красавица!
- Марта, есть много красивых женщин, которые не замужем и вообще не пользуются вниманием мужчин...
- Неправда! Если у тебя красивое лицо, к тебе относятся по-другому! Красивая женщина живет в другом мире! Я тоже туда хочу!
- Но что делать, если ты такая, какая есть? Для меня ты самая красивая.

– Вот опять! Для тебя! А я хочу по-настоящему, понимаешь? Потому что я так больше не могу...

1. 2

– Рина, почему у тебя мобильник отключен? Чуть заказ из-за тебя не потеряли! Я тебе сколько раз говорил: будь все время на связи!

– Ну, Шурик... Я не виновата. Я ехала.

– Где? В глухом лесу? Да ты дальше МКАДа не выезжаешь! Аэропорт не в счет. Ты вообще знаешь, что есть жизнь за МКАДом? Да, да! Те высокие дома, в них тоже люди живут. Представляешь?

– Чего ты пристал?

– Ладно, проехали. Риночка, я тебя умоляю: не отключай телефон.

– Уговорил... Что за работа?

– Съемка для рекламы.

– Рекламы чего?

– Лекарства. Такие маленькие беленькие таблетки.

– От чего? – слегка напряглась.

– Ну, какая разница?

– Шурик, если от поноса, я тебя убью!

– Не от поноса... Ну, почти...

– С ума сошел? Ты знаешь, что я снималась в каталоге нижнего белья?!

– Риночка, когда это было? Четыре года назад?

– Я каждый год работаю на «Миллионер Феа»! И на Кубке Кремля! И на автомобильном салоне! Между прочим, в этом году я стояла рядом с «Бентли»! Я модель экстракласса! Да мне вообще не надо работать, потому что у меня богатый любовник! Я просто добрая! Мне тебя жалко! Тебя, понимаешь? А ты мне предлагаешь рекламировать таблетки от поноса!

– Ты бы не бросалась работой, котенок. Кризис на носу. Говорят. Есть перспектива, что рекламный бизнес свернется, да и модельный тоже. Что тогда делать будешь?

– Грудь увеличу. Давно собиралась.

– И что тебе даст новая грудь? – со смешком.

– Богатого мужа! И тогда я пошлю тебя на... Что тогда делать будешь, рыба-прилипала?

– Девочка, ты и так красавица, – залебезил. – Не нуждаешься ни в диете, ни в пластике. Такая красота, как у тебя, редкость, дар Божий. Ты моя любимая модель, поэтому я всегда звоню в первую очередь тебе. А вдруг моя рыбка, моя зайка любимая, моя Риночка хочет немножко поработать? Пару часиков попозировать перед объективами этих липучих, занудливых, противных фотографов, этих тиранов...

– Ну, разве что немножко... А других предложений нет?

– Конечно, есть! Зайка, как только ты отрекламируешь эти таблетки, у тебя появится масса замечательных предложений! Вот, к примеру, от компьютерной фирмы. Я приберег это для своей любимой Риночки...

– Компьютеры? Это что?

– Это, Риночка, котик, серьезно. Я тебе потом объясню.

– Да знаю я, что такое компьютеры! Не держи меня за круглую дуру! А как их рекламировать-то?

– Это не твоя печаль. Тебе объяснят. Раз ты стояла рядом с «Бентли», мы тебя поставим рядом с «Пентиумом»!

– Пентиум – это что?

– Я тебе потом объясню, – со вздохом. – Это, Риночка, круто. Ну как, зайка, берем заказ на таблетки?

– А сколько платят?

– Платят нормально. Мой процент – как обычно.
– Ну, ладно. А когда?
– Завтра. – И вкрадчиво: – Съемка начинается в десять.
– Вечера?
– Утра.
– Ты с ума сошел! Я раньше полудня не встаю!
– Надо постараться, котик. Я знаю, это трудно, но надо, Риночка, надо. Не капризничай. От тебя и требуются-то только твои замечательные пальчики и твой очаровательный алый ротик. Маникюр, я уверен, в порядке. Возьмешь тоненькими пальчиками белую таблеточку, поднесешь к алому роту и сделаешь вид, что ты ее съела. Аплодисменты, и ты свободна. Рекламные плакаты будут висеть по всей Москве.

– А хоть видно будет, что это я? – с сомнением.
– А как же!
– Ладно, я согласна. Диктуй адрес.
– Только, рыбка моя, давай сразу договоримся. Я знаю, что это трудно, но постарайся быть вовремя. Заложись на пробки.
– Ты садист!
– Я всего лишь твой агент. И я много для тебя сделал. Поэтому постарайся не платить мне черной неблагодарностью, как ты обычно делаешь. Отключать телефон, опаздывать на работу и все такое прочее. И хамить мне не надо.

– Это я тебе плачу.
– Я знаю. Но постарайся относиться и к моей работе с уважением.
– Еще чего! Прилипала, вот ты кто!
– Это не твои слова, я уверен. Ты хорошая, добрая девочка, но что касается ума... – глубокий вздох. – Слово «прилипала» вполне из твоего лексикона, но то, что это рыба, тебе сказали, сама ты этого не знала. Книг ты не читаешь, канал «Культура» не смотришь, да и «Дискавери» вряд ли.

– Дис... как?
– Проехали. Мой тебе совет: не слушай советов людей, которые желают тебе зла. За работу надо держаться.
– Да это мне мой папик сказал, если хочешь знать!
– В чем уме я точно не сомневаюсь. Значит, ругает меня. И это вместо благодарности! Кто его с тобой познакомил? Шурик! А теперь Шурик плохой, Шурик прилипала. Ладно, проехали. Жду тебя в десять утра. Адрес записала? Нежно целую. Пока.

«Стерва!» – хотел швырнуть телефон, но передумал, ласково погладил мобильник. – «Кормилец». Вот так всегда: крутишься как белка в колесе, выбиваешь для них контракты, выгодные заказы, носишься с ними, уговариваешь, потакаешь их капризам, хвалишь взалбих тощие прелести... А они... Они становятся звездами и тут же забывают о тех, кто за ручку довел до вершины славы. До обложек глянцевого журналов и мировых подиумов высокой моды. С чего-то ведь все начиналось.

Вот и эта. Четыре года в Москве, а ведет себя так, будто этот город принадлежит ей по праву рождения! Он хорошо помнил девочку с наивными голубыми глазами, приехавшую сюда в семнадцать лет. Как она в рот смотрела хозяину модельного агентства, приносила кофе всем, даже его секретарше, бегала за пиццей в соседнее кафе, чтобы не ждать курьера, хваталась за любой заказ, выполняла все требования клиентов, все капризы фотографов. Стояла, лежала, голая, одетая, в вазелине, в пудре, в перьях, прилипших к вазелину... Да в чем хотите!

По паспорту она Ноябрьрина. Ноябрьрина Кудрявцева. Мама назвала в честь любимой актрисы. Догадываетесь, какой? Нонны Мордюковой, конечно, чье настоящее имя Ноябрьрина! Мама работала дворником, а по совместительству мыла лестничные клетки в четырех подъез-

дах, да и сейчас вряд ли что-то изменилось. Дома Рина не появляется вот уже года три и деньги маме посылает вряд ли. Потому что мама пьет. Отца у Рины нет. А имя Нонна к ней так и не прилепилось. Она – Рина. Голубоглазый ангел с льняными кудряшками.

В одиннадцатом классе девочка вытащила счастливый лотерейный билет. К ним в город приехали рекрутеры. Модельным агентствам всегда требуется свежая кровь, юные поначалу лица быстро выходят в тираж, вот и едут рекрутеры по городам и весям, отсматривать живой товар. Новобранцев везут в Москву, селят на частных квартирах, ротами, и нещадно эксплуатируют их лица и тела. Нет, что вы, никакого интима! Если только богатый любовник, но это дело добровольное. Кто ж откажется?

Рину на кастинг заманила подружка. Рина упиралась как могла, она была очень застенчивой девочкой, стеснялась своего высокого роста, длинных рук, худых ног, своей одежды и косноязычия. Но она и в подростковом возрасте была потрясающе, просто божественно прекрасна! Большие голубые глаза, золотые локоны, закрывающие лопатки, маленький аккуратный носик, высокий лоб и непропорционально большой рот, алеющий на бледном личике. Все невольно смотрели на чувственный Ринин рот, и хотя в школе она губы не красила, казалось, что она обводит их красным карандашом и делает это намеренно, чтобы привлечь к себе внимание.

– Кудрявцева, помаду сотри! – кричала завуч, едва завидев Рину. – Это тебе школа, а не публичный дом!

И Рина рыдала в туалете и терла губы носовым платком, но они становились только ярче. Она привлекала мужчин, которые были гораздо старше, и в подростковом возрасте это было причиной всех ее несчастий. Зато потом... Потом стало приносить деньги.

Подружка, которая всерьез рассчитывала на успех, даже одолжила Рине свое платье, одной идти не хотелось, страшно. Кастинг из всей школы прошла только Рина. И именно ей предложили работу в модельном агентстве. Делать дома было нечего, денег на учебу нет, да и не потянула бы Рина институт, даже училище не потянула бы, и семнадцатилетняя девушка без колебаний поехала туда, где ее ждали. В Москву.

Ей сразу повезло. Девочка отстрадала свое еще в детстве, поэтому судьба смиростивилась над ней, и Рина с блеском прошла кастинг для каталога нижнего белья одной очень раскрученной торговой марки. Она стала самой заметной моделью из всех, кто отснялся в этом каталоге, и заманчивые предложения посыпались со всех сторон.

Какое-то время Рина была на вершине успеха, и головка у нее закружилась быстро. Умом она не отличалась, была по-детски наивна и заработанные деньги тратила глупо, спускала их на всякие безделушки, хватая, как сорока, все яркое и блестящее. Ее красивое личико быстро примелькалось, и в агентстве стали относиться к Рине как к отработанному материалу, второй состав на запасных путях, авось на что-нибудь сгодится. Но тут девочке опять повезло. Ее взял под покровительство Шурик, называющий себя агентом, но не брезгующий и сводничеством.

Это было в порядке вещей, многие богатые мужчины пользовались услугами эскорта, и через агентства нанимали моделей в качестве спутниц на деловых переговорах и просто посидеть в ресторане. Секс-услуги входили в прейскурант, но оплачивались отдельно. Рину присмотрели в каталоге, после чего Шурик удачно ее сторговал. Для того чтобы объяснить девочке, в чем ее счастье, понадобилось ровно пять минут. Вскоре Рина переехала на съемную квартиру в центре, получила в подарок шикарную машину, бриллиантовое кольцо и стала считать себя светской львицей. Спать до полудня, начинать день с бокала шампанского, продолжать где-нибудь в баре, при солярии, за чашечкой кофе, днем тусоваться в салонах красоты, вечером на пати и потихоньку присматривать себе клинику пластической хирургии. Она вдруг стала находить морщинки на лбу, какие-то сосудистые звездочки, «некрасивые» родинки, от которых непременно хотела избавиться. Это в двадцать-то лет!

Пока у Рины все было хорошо и даже отлично, но Шурик всерьез за нее опасался. Нет, не девчонку ему было жалко, пропадал качественный товар, Рина и в самом деле была хороша. Один ее выдающийся рот чего стоил! Миллион долларов за такой рот, если включить мозги! А она дурит, от работы отказывается! Ну и пусть себе пропадает!

1.3

Подруга все-таки уговорила Марту продать тетину квартиру. О, зеленоглазка это умела! Хотя Марта и сама хотела бы жить в центре, до работы близко, да и тетина квартира была хоть и однокомнатная, но зато большая. А Марта жила в просторной двушке, но в пригороде.

Попыталась объяснить это подруге, но та отмахнулась:

– Глупости! Я была в этой квартире. Она в ужасном состоянии, там ремонта на многие тысячи долларов. Плюс перепланировка.

– Но если я продам свою двушку в пригороде, у меня будут деньги.

– Ты умеешь договариваться со строителями? У тебя что, есть на это время? И сколько это будет продолжаться? А БТИ? Там стену надо сносить! Конечно, ты можешь пожить пока у мамы... Слушай, Марта, не дури. Это хорошее предложение, больше ты за нее не возьмешь. А если будешь тянуть, да пойдешь в агентство... Ты телевизор смотришь? Газеты читаешь?

Телевизор Марта смотрела. И газеты читала. Сентябрь начался ипотечным кризисом в Штатах. И хотя все уверяли, что Россия – это тихая гавань, нефтяных денег много, но Марта-то была бухгалтером, считать она умела хорошо. И привыкла не верить никому и ничему, только цифрам. А цифры были неутешительные. Рынок жилья встал, и хотя опять-таки говорили, что никакого падения не будет, но говорили это, чтобы не сеять панику среди населения. Марта позвонила в пару агентств недвижимости, предложений было много, и они все время поступали, а вот покупатели куда-то подевались.

«Да зачем мне ее продавать?!» Но ситуация менялась не только на рынке жилья, но и на рынке труда. Как Марта и предполагала, женщина, которую взяли на фирму главным бухгалтером, стала ее смертельным врагом. Иначе и быть не могло. Пока Инна Иосифовна входила в курс дела, голосок ее был сладким, когда она разговаривала с Мартой. Но едва главный бухгалтер освоилась, тон ее резко изменился. Того, что Марте удавалось, начальница не замечала, зато малейший просчет тут же становился известен шефу. Инна Иосифовна бегала к нему с докладом по несколько раз в день, под предлогом, что она-де только вступила в должность и боится ошибиться.

– Спросите у Марты, – говорил на это шеф. И Инна Иосифовна тут же отвечала:

– Ой, у нее столько ошибок! Вот что значит отсутствие высшего образования! Не понимаю, как она столько времени была за главного! У вас, должно быть, были большие проблемы, Игорь Павлович?

А у кого, скажите мне, не бывает проблем? Шеф, разумеется, все их помнил, а вот хорошее, как это свойственно многим руководителям, забывал быстро. И месяца не прошло, как Марта из умного, грамотного специалиста стала «девочкой без высшего образования, которая слабо разбирается в вопросе». Это было несправедливо, но сделать Марта ничего не могла. Только слезы глотать и просить Майю:

– Ну, скажи ему, что Инна Иосифовна врет! Что я незаменимый работник!

– Хорошо, скажу.

– Когда?

– Завтра.

Когда на следующий день Марту вызвал Игорь Павлович, она была уверена, что извиниться и похвалить. Забыла, что «извини» выходит из уст красавца шефа еще с большим трудом, чем «ваши чаевые».

– Садись, – нелюбезно сказал тот.

Она села. Сердце замерло.

– Ты у нас теперь не и.о. На это место взяли человека.

– Я знаю.

– Я тебе обещал, что сохраню доплату за подпись в качестве прибавки. Но времена изменились. Фирма вынуждена на всем экономить. Пока я сохраню твою зарплату...

– Как?!

– Ты чем-то недовольна?

– Но я столько... Столько сделала для фирмы...

– Я помню, – поморщился шеф. – Но обстоятельства изменились. Это, собственно, все.

Можешь идти.

Марта вылетела из кабинета с пылающими щеками и тут же натолкнулась на подругу.

– Что ты ему сказала?! – накинулась она на Майку.

– Но ты же не хочешь мне помочь!

– Как помочь?!

– Продай мне теткину квартиру!

– Ты меня шантажируешь, что ли?

– Наменяю. Времена грядут трудные, мне нужна твоя квартира, а тебе вскоре понадобятся деньги.

– Меня что, хотят уволить?!

– С чего ты взяла?

– Лучше бы он сэкономил на любовнице! Вот кто дорого обходится фирме!

В этот момент дверь с табличкой «Генеральный директор» открылась, и в приемную выглянул Игорь Павлович.

– Майя, зайди ко мне.

На Марту он даже не посмотрел. Она похолодела: «Разумеется, все слышал!» Майка и шеф скрылись за дверью, а Марта осталась стоять в приемной с бьющимся сердцем. Надо было держать себя в руках.

С этого дня Игорь Павлович смотрел на нее, как на пустое место, перестал здороваться и лично давать поручения. О том, что Марта у шефа в немилости, вскоре узнали все и стали ее сторониться, как зачумленную. В такое смутное время никто не хочет оказаться за дверью, попробуй-ка, найди новую работу! И увольняют не самых ленивых и не самых глупых, а, как ни странно, тех, кто больше всех работает и при этом громче всех молчит. Так и с Мартой вышло: молчала, молчала и вдруг потребовала, чтобы оценили ее заслуги! Не уволили – значит, оценили. И на том спасибо. Марта повела себя неправильно, да еще тронула священную корову – любовницу. В результате ее взяли на карандаш, на случай если начнется сокращение штата.

Сначала у Марты началась легкая паника. Потом она стала с отвращением ходить на работу, хотя раньше приходила туда, как к себе домой, обустроивала рабочее место с любовью и заботой, приносила комнатные растения, фотографии в рамках, каждый день пополняла запас сластей в верхнем ящике письменного стола. Теперь и шоколадки стали не в радость. Поддавшись панике, она стала искать покровительства всемогущей Майи и даже раскаялась, что в августе не поехала с ней отдыхать. Разумеется, подруга затаила обиду. Чем больше Марта к ней льнула, тем холоднее была Майка. Кончилось тем, что Марта сдалась и продала ей тетину квартиру. Но потребовала наличные, причем доллары. Майя согласилась:

– Хорошо. Но ты опоздала, цена упала.

И вновь паника. «Как бы не остаться и без работы, и без денег!» Впрочем, сумму за тетину квартиру Марта выручила значительную и все деньги положила в банк, арендовав там ячейку на полгода. Слухи ходили разные, и большинство, сняв со счета наличные, поступали именно так: люди переводили деньги в доллары и клали в банковскую ячейку. Слово «кризис» произносилось все чаще, ньюсмейкерами сделались экономисты и работники банков, люди начали сокращать расходы, работодатели занялись экономией средств.

Все было не так, как в пресловутом девяносто восьмом, казалось, это должно обнадеживать, но на деле пугало. Непонятно, чего ждать? И где оно, дно? Когда точка падения обо-

значена, уже легче, с этого момента начинается подъем, а многомесячное ожидание томительно. Плавный спуск в бездонную яму выматывал, люди злились, срывались, искали ответы на вопросы «как быть?» и «что делать?», а их не было. Или же были, но те, которые никого не устраивали, потому что время их тут же опровергало. Никто ничего не знал, но на всякий случай готовились к самому плохому. Причем опять-таки никто не знал, в чем заключается это самое плохое. Инфляция? Девальвация?

Деноминация? Еще какая-нибудь «...ция»? Красивых (и пугающих) слов много.

Как-то незаметно исчезли из офиса чай и кофе. Потом объявили, что сокращений не будет, но зарплату всем урежут. Потом пошли слухи, что половину сотрудников отправят в отпуск без сохранения содержания. Тревожные слухи ходили не только на фирме, везде. Консьержка обсуждала с уборщицей грядущий дефицит импорта и советовала закупаться впрок. С полок супермаркетов исчезали привычные товары, в основном и впрямь импортного производства. В обменниках вывешивали немыслимые цифры, и хотя очереди не было, вообще никого, понижать курсы валют никто не собирался. Вроде бы ничего и не происходило, все как обычно, но в то же время явно что-то менялось, причем в худшую сторону. Но как-то незаметно. Это было похоже на радиацию: невидимая, неосоздаваемая смерть, без боли, без явных признаков недомогания, но все знают, что эта болезнь неизлечима.

Вроде бы лично Марты это не касалось. Долгов по кредитам у нее не было, напротив, наличные в банковском сейфе, квартира своя, не съемная, иждивенцев на попечении нет. А вот одна сотрудница взяла ипотеку, причем в долларах, а доллар растет. Каждый день слезы, паника, постепенно переходящая в отчаяние, потому что над женщиной нависла угроза потери квартиры. У другой мужа сократили, маленький ребенок, а живут на съемной, за нее надо платить. Понятно, что одной зарплате не хватит. Что делать? Третья набрала кредитов: компьютер, мобильный телефон, машина и даже отдых. Все в кредит. А если в отпуск без содержания? Чем платить? На фирме теперь только об этом и говорили: о долгах.

Даже Майка ходила злая как мегера. У нее все допытывались, как и что, а она в ответ только орала:

– Достали! Только вас мне не хватало!

И реже меняла наряды, что само по себе показатель. Менеджеры ходили взвинченные, потные, их заставляли выбивать из клиентов кредиты, фирме нужны были деньги, а денег не было ни у кого, в том числе у банков, которые в свою очередь требовали платежей по кредитам. В общем, карусель закружилась, и сорваться с нее было легче легкого. Сорваться и разбиться насмерть. Понятно было, что многие фирмы полягут, выживут сильнейшие, те, кто сумеет приспособиться к новым условиям. Все поспешно избавлялись от балласта, лишних расходов и неугодных сотрудников, сбрасывая за борт все, что только можно, лишь бы удержаться на плаву.

Жизнь Марты, и без того невеселая, сделалась невыносимой. Раньше она жила работой, там находила маленькие радости. Теперь работа превратилась в кошмар. Ее откровенно выдавливали. Начальству неуютно, кредитных проблем нет, чтобы за работу держаться, следовательно всем чужая. Как только Марта входила, женщины, только что оживленно беседующие на тему кризиса, тут же замолкали.

«Господи, что я сижу? Деньги у меня есть, надо переждать это смутное время. Пройдет год, другой, и все образуется. После кризиса начнется подъем, появится много работы, не обязательно здесь, в другой фирме. Надо переждать».

Когда Марта подала заявление о бессрочном отпуске без содержания, все обрадовались.

– Трудовая твоя пусть останется здесь, – сказал на прощание Игорь Павлович. – Как только ты понадобишься, мы тебя вызовем.

А Майя прокомментировала:

– Благородный поступок. Но с другой стороны: у всех семьи, дети. Кредиты. Долги. А ты свободна, как ветер, да еще с такими деньгами! Тебе и уходить.

– А ты?

– А что я?

– Ты тоже свободна. И без детей. Как ветер.

– У меня Игорь, – серьезно сказала Майка. – Ему сейчас нужна поддержка. Ты не представляешь, что на Рублевке творится!

– Да уж. С трудом.

– А там разводами пахнет. Благоверная уже закатила Игорю скандал. Мол, почему денег дает так мало на карманные расходы? И бриллиантовый ошейник для песика не купил.

– Ах, вот в чем дело! У тебя появился шанс! Ну, ты своего не упустишь.

– Напрасно ты так. Если хочешь знать, у нас любовь. И... не обижайся. Ведь мы с тобой подруги?

– Да, – отвела глаза Марта.

– Если что, звони. И я тебе позвоню. Все, пока.

Ее даже поцеловали на прощание. В щечку. Марта вышла на улицу со странным чувством. Стояла теплая, просто нереально теплая осень. Давно такой не было. Навстречу шли двое парней, пьяные в стельку, несмотря на то, что едва перевалило за полдень. Причем это были не работяги какие-нибудь, не строители, не грузчики, а «белые воротнички». Похоже, тоже праздновали свободу.

Ярко светило солнце, воздух был прозрачен, как хрусталь, даже в ушах звенело. Магазины работали, кафе и рестораны были открыты, рубли в банках свободно меняли хоть на доллары, хоть на евро, сколько хотите, так же беспрепятственно отдавали деньги со счетов, в том числе и досрочно. Но Марту от страха подташнивало. Или не от страха? Началось ее свободное падение, земля уплыла из-под ног. Невидимо, неслышно и беспрепятственно лучевая болезнь, она же экономический кризис, проникала во все поры огромного организма, именуемого Москвой, в те же магазины, офисы, кафе, в сознание людей и потихоньку отравляла им жизнь. И было страшно.

1. 4

– Киска, ты бы не хотела поменять квартиру?

– Зачем? Мне и тут классно!

Огромная кровать, алое постельное белье, шелковое, и ее шелковистые ноги, длинные, стройные... Лыняные кудри на алой подушке... Как красиво! Рина потянулась, зевнула, закрыла глаза. Менять? Зачем? Так лениво...

– И все-таки?

– Васик, я не понимаю... – открыла глаза. – Такая хорошая квартира... Большая, в центре. Все, что мне надо, под боком. Салон красоты, СПА, бутики, подружки, и до бассейна недалеко. Если только квартиру с бассейном... – задумчиво протянула Рина. – А бассейны в высотных домах бывают?

– Все, детка, бывает.

– Тогда я хочу-у... Васик, сделай так, чтобы в моем доме был бассейн! Чтобы мне не ездить!

– А без бассейна никак нельзя?

– Ты же знаешь, мне врач сказал плавать. У меня спина.

– У всех спина, – мрачно пошутил любовник.

– У меня особенная спина. Какие-то там диски... Блин, забыла! Васик, ты не знаешь, что у меня со спиной?

– Я не врач. И все-таки. Вернемся к нашему разговору. Я хотел бы, чтобы ты отсюда переехала.

– Куда? – она резко села. Даже про больную спину забыла.

– Ну, скажем, в квартиру меньшей площади. А лучше на окраину.

– На окраину?! Ты с ума сошел!

– Рина, послушай меня. Это серьезно. Ты знаешь, что в стране кризис?

– Где?

– В стране. Вообще, в мире.

– Ах, в ми-и-ре... ну и что?

– Как бы тебе это объяснить м-м-м... попроще. Американцы, они выпустили такие бумаги. Деривативы.

– Деревя... что?

– Де-ри-ва-ти-вы.

– С листиками?

– С какими листиками?

– Ну, раз дерево. Они что, деревянные?

– Да! Можно и так сказать. И вот из-за этого...

– Слушай, Васик, не морочь мне голову. Я-то здесь при чем? Какие-то деревья.

– Ладно, перейдем к сути. Мои доходы существенно уменьшились. Цена на нефть падает.

– Ах, цена падает... Ну и что?

– Рина, ты можешь говорить серьезно?

– А я серьезно. Васик, давай оставим все как есть. И тогда тебе не надо будет рассказывать мне про какие-то деревянные бумаги.

– Нет, оставить все, как есть, невозможно. Твое содержание мне обходится слишком дорого. Расходы надо урезать.

– Ну, я же такая ма-а-аленькая... Я почти ничего не ем... – она кокетливо похлопала ресницами.

– Да, но ты покупаешь дорогие наряды. Слишком дорогие. И все эти салоны... – любовник поморщился. – Волосы, ногти...

– Но как же я могу без ногтей? – она растопырила пальцы и дала ему полюбоваться маникюром. На каждом ногте розовый бутон и блестки. Как красиво! Васик должен понять, что без этого нельзя. А красота, она денег требует. – И, кстати, я хотела попросить у тебя денег.

– На что?

– Хочу увеличить грудь.

– Рина, у тебя прекрасная грудь!

– Маленькая.

– Нормальная.

– Нет, маленькая. Мне виднее. Из-за этой груди мне не дают выгодных контрактов. У меня почти нет работы, – пожаловалась она.

– Работы у тебя нет из-за твоей лени. И это, кстати, плохо. Я бы хотел, чтобы ты мне немножко помогла.

– Это как? – удивленно распахнула она глаза.

– Взяла бы на себя половину своих расходов.

– У тебя что, нет денег?!

– А я тебе о чем толкую битый час! – заорал он.

– Васик... ты на меня кричишь...

– Потому что ты дура! Извини... Котенок, мне очень не хочется с тобой расставаться. Ты очень красивая девочка и покладистая. Но...

– Но?

– Обстоятельства. Сейчас такое время, что надо включать мозги. О Господи! О чем я говорю?! Твои куриные мозги на пути в Антарктиду и, похоже, без обратного билета! Извини, детка, извини. Я не хотел на тебя кричать. Но... В общем так. Тебе придется самой платить за квартиру.

– А сколько она стоит?

– Сейчас девять. Но думаю, цена упадет. До семи-шести.

– Шести чего?

– Тысяч долларов. В месяц. Сколько тебе платят за съемку?

– Ну, по-разному... Нет, я все-таки увеличу грудь... – она сладко потянулась.

– Эй! – он щелкнул пальцами. – Ты меня слышишь?

– Я не глухая... Васик, я красивая?

– Красивая. Очень красивая... – он поднялся с кровати. – Знаешь, мне пора.

– Ты разве не останешься ночевать?

– Мне... Мне тут надо... Бизнес, детка.

– Хорошо. Ты мне позвонишь?

– Обязательно!

– А деньги?

– Деньги? Там видно будет. Ну, пока.

Рина, перебирая пальчиками льняные кудри, смотрела, как он одевается. Переговоры, на ночь глядя? И в самом деле, кризис! Хлопнула входная дверь. Она потянулась к телефону.

– Жанка, ты не спишь? Ха-ха... шучу. В клубе? Мой ушел, я тоже сейчас подъеду. Машка там? Класс! Давно не виделись! Лечу!

... Неожиданно получился девичник. А раз так, решили перебраться в стриптиз-клуб. Разумеется, мужской. Заказали по коктейлю и принялись обсуждать насущные проблемы.

– Говорят, в стране кризис, – задумчиво сказала жгучая брюнетка Маша.

– Да ну! Не звезды! – отмахнулась рыженькая Жанна. – Ты видела, сколько народу в клубе? И здесь немало. Я лично ничего не замечаю.

– Так народ оторваться решил напоследок. Вот погоди, после Нового года начнется.
– Девочки, надо что-то делать!
– Мой сказал, квартиру надо менять, – вздохнула Рина.
– Зачем? – удивилась Жанна. – У тебя хорошая квартира.
– Он сказал: денег нет. Цена на нефть падает.
– Слушай, давно надо было заставить его купить тебе эту квартиру.
– Я как-то не подумала.
– А я свой кусок оттяпала, – призналась Маша. – Домик на Рублевке. Мой пока молчит.
Про кризис ни-ни. Ни словечка. Боится накаркать.
– Счастливая, – завистливо вздохнула Жанна. – А мои дела плохи. Я вот уже полгода одна. И никакого позитива.
– У тебя же кто-то был? – переглянулись подружки.
– Был. И как был! На личном самолете по курортам возил! Представляете, девочки, там даже курить можно! Сидишь в салоне и дымишь! Класс! И шампанское! Все есть!
– У арабского шейха, говорят, бассейн есть, – задумчиво сказала Маша. – В самолете.
– Вот! – энергично кинула Рина. – Бассейн! Мне без воды никак! Не хочу я переезжать! У меня Олимпийский под боком! А тут на окраину! Пусть скажет еще, в Бирюлево!
– В Бибирево!
– В Марьино!
– Подлец!
– Дрянь, точно!
– Просто жадина!
– Девочки, что делать-то будем?
– Лично я не парюсь, – сказала Маша. – Делаю вид, что все хорошо. Еще неизвестно, кого мой милый бросит, меня или жену. Я могу и потерпеть, даже щи ему варить могу. Я ко всему привычная. А вот она вряд ли.
– Щи?! – переглянулись подружки. – А маникюр? Он же облезет!
– Сейчас в моде все естественное. Волосы, ногти.
– А я учусь, – неожиданно призналась Жанна.
– Где?
– В институте. На платном, разумеется. Годика через два получу диплом искусствоведа.
– Это тебе зачем?
– Сейчас в моде интеллектуалки. Надо, девочки, отличать Гоголя от Гегеля, а Мане от Моне.
– Это кто? – наморщила лоб Рина. – Модельеры?
– Темнота! Художники! Импрессионисты! Эдуард и Клод. Знаешь, сколько я их учила? Даже в музей сходила пару раз!
– Ты шутишь!
– Вот еще! Я теперь умная, – похвасталась Жанна. – Мой бывший, ну, который на самолете, литературу очень уважал. Особенно стихи. Знаете, девочки, сколько я их выучила? Ночью разбуди, поэму Блока без запинки оттарабаню. Сейчас переключилась на живопись. С олигархами надо знакомиться в галереях, в художественных салонах. Заучить всех этих художников, волосы собрать в пучок, нацепить очки и, как увидишь, мужик в «Ролексе» у картины завис, подойти тихонечко и сказать что-нибудь умное. Типа: «Сомневаюсь, что это подлинный Айвазовский. Скорее, один из его учеников, он часто подписывал чужие картины». Мужик обязательно спросит: «Вы что, искусствовед?» А я и в самом деле искусствовед! Дипломированный! Идем с ним в кафе, обсудить проблему подлинного Айвазовского, и тут я – бац! Распускаю волосы и снимаю очки! Продолжаем умный разговор, но постепенно переключаемся с мари-

ниста Айвазовского на берег Средиземного моря, где у моего нового знакомого стоит на приколе шикарная яхта, – Жанна мечтательно вздохнула. – И как вам стратегия?

– А я ребенка могу родить! – сказала Маша.

– А я грудь хочу увеличить! – решила не отстать от подруг и Рина.

Те переглянулись.

– Только не знаю, где денег взять. Мой сказал: зарабатывай. Но, по-моему, сначала надо сделать грудь. Будет грудь, будет и работа.

– Логично, – кивнула Маша. – Можно и в певички податься. Там грудь в почете. А ноги у тебя красивые. А что касается денег... Возьми кредит.

– А где?

– В банке. Потребительский. Машина твоя?

– Моя.

– А еще что есть из имущества?

– Драгоценности кое-какие.

– Это хорошо. В ломбард их нести нет резона, там золото принимают по цене лома. Да и за камешки не много дают. Но у тебя есть ПТС...

– ПТ... Что?

– Паспорт на машину. Есть?

– Должно быть, есть.

– Найди обязательно. Машина у тебя дорогая, если потребуют залог, покажешь ПТС. Жаль, недвижимости нет. Раньше деньги и под паспорт давали, а сейчас гарантий требуют. Кризис. Но у тебя все получится.

– Вот жизнь пошла! – вздохнула Жанна. – Раньше одной красоты было достаточно, а сейчас приходится крутиться!

– Может, мальчика возьмем? – кивнула Маша на стриптизера, оказывающего подружкам повышенные знаки внимания. – Хорошенький.

– Не до любви сейчас, – махнула рукой Жанна.

– Ошибаешься. Вот сейчас как раз до любви. Все перестанут деньги делать и начнут делать детей. Хорошие времена наступают.

Маша встала и шагнула к сцене. Вскоре к ней присоединились и подружки. И закрутилось...

Домой Рина приехала за полночь. Настроение заметно улучшилось после выпитых коктейлей и ласк красивых мальчиков, да и не умела она надолго задумываться над проблемами. Кризис – это где-то там, далеко. Страна живет своей жизнью, которая очень далека от той, которой живет красавица Рина Кудрявцева, супермодель. Это миры параллельные, в одном сейчас кризис, в другом беззаботное веселье. В жизни всегда есть место празднику, а какой же праздник без красивых женщин? И чтобы праздник не кончался, надо приумножать свою красоту.

1.5

Все время, пока человек работает, он мечтает отоспаться. Это его самое заветное желание. Вот и Марта пять лет думала: «Когда-нибудь брошу эту работу и месяц буду отсыпаться. Потом год отдыхать. Не меньше. И спать, спать, спать...»

Отпуск у нее получался разорванным, две недели летом, неделя зимой, два дня к октябрьским, один – к 8 Марта. День рождения все-таки! Не в ресторан, так хотя бы в постели поваляться до обеда в честь праздничка. Но месяц она не отдыхала никогда. Так, чтоб подряд, с первого по тридцатое.

И вот, свершилось! Не надо вставать в шесть утра, бежать на электричку, потом толкаться в метро и торопливо шагать в офис, то и дело поглядывая на часы. И все время считать, считать, считать... Минуты, деньги, цифры в финансовых документах. Складывать, вычитать, умножать... Ничего этого не надо. Свободный человек, что хочешь, то и делай!

Наслаждалась она этим с неделю. Спала до обеда, потом что-то ела, бессмысленно бродила по квартире, смотрела телевизор, потом с удивлением замечала, что уже вечер, и опять пора ложиться спать...

Еще неделю Марта по инерции готовилась к выходу на работу. Буквально заставляла себя придерживаться прежнего режима, чтобы как следует отдохнуть: до полудня спать, потом бесцельно слоняться по квартире, до одури смотреть телевизор, без разбора, включая бесконечные сериалы и бессмысленные ток-шоу. Когда она на третью неделю отдыха проснулась в девять, вместо шести, занервничала. Потом вспомнила: «Ах, да... Мне же никуда не надо... Я в отпуске... Без содержания...»

Она попыталась этому обрадоваться, но не получилось. Надо было начинать новую жизнь, находить какие-то дела, приспосабливаться к обстоятельствам и чем-то себя занять. Оказалось, не так много времени требуется организму, чтобы отдохнуть. Щадящий ритм, вот что устраивает его больше всего, но никак не безделье. Безделье как раз утомляет.

Марта зачастила к маме и даже пару раз у нее заночевала. Нашла по Интернету одноклассников и тех, с кем училась в колледже, со всеми списалась. Все были заняты, работой или детьми, и, написав пару писем, исчезли. На встречу никто не согласился, таких бездетных и безработных, как Марта, больше не нашлось. Она же искала общения, дошло до того, что стала разговаривать с продавцами в магазинах. Раньше у нее на это не было ни времени, ни желания, общения и на работе хватало. От людей устаешь быстро, но и без них вскоре начинаешь скучать. У человека, оказавшегося на обочине жизни, лишённого общения, быстро развивается депрессия. Достаточно и месяца.

Майка не звонила, а ведь раньше ни на день не могла расстаться, все время докладывала, как у нее и что. Плохой симптом. Неужели у Майки новая подружка? И кто? Уж, не с Инной ли сошлась, Иосифовной?

Но этот вариант Марта отмела. По возрасту не подходит, да и интересы у них разные. В конце концов, позвонила сама. Вечером, когда была уверена, что Майя дома. Та долго не брала трубку. Наконец в телефоне раздалось негромкое:

- Да.
- Привет. Это Марта. Как у тебя дела?
- Нормально.
- Ты что, занята? – догадалась Марта.
- Да.
- Ты не одна, да?
- Да.
- Игорь Павлович, да?

– Слушай, я тебе потом перезвоню.

– Я рада за тебя, – сказала и сама застыдилась, так фальшиво это прозвучало.

– Я перезвоню.

И все. Тишина. Подруга называется! Марта беспечно прошла по квартире. Кому бы еще позвонить? Маме? Она как раз пришла с работы. Устала, должно быть. У мамы-то есть работа, ее никто не уволил и увольнять не собирается.

И такая взяла зависть к тем, у кого есть работа! Работа или семья, мужа, дети, домашние животные... А у нее, Марты, даже кошки нет! Не завела, потому что работала! И в выходные тоже! Вот и сиди теперь одна!

«У меня есть деньги», – вспомнила она. – «Можно куда-нибудь поехать, отдохнуть». Но ехать придется тоже одной, а это не так уж весело. Пробовали, знаем. Вот когда она пожалела о ссоре с Майкой! То, что раньше казалось неприемлемым, вдруг обернулось заветной мечтой, и теперь уже Марта жалела обо всем, что натворила. Потеряла единственную подругу, любимую работу, уверенность в себе как в умном, грамотном специалисте. «Девочка без высшего образования, слабо разбирающаяся в вопросе». Если тебе все время об этом говорят, поневоле начинаешь верить.

Время шло. Ее жизнь превратилась в болото, надо было вытаскивать себя оттуда, но как? Она начала смотреть по сторонам. Кризис люди использовали по-разному. Занимались делами, которые раньше откладывали, к примеру, здоровьем. Запись на УЗИ в районной поликлинике была на месяц вперед, ни одного свободного окошка, то же самое у специалистов. Лор, гинеколог, окулист... Сидеть в бесконечных очередях Марте не хотелось, да и проблем со здоровьем у нее не было. Сдала кровь – идеальная. Кардиограмма – в космос можно запускать. Давление в норме. Участковый терапевт даже накричала на нее:

– Девушка, не морочьте мне голову! Вы абсолютно здоровы! А у меня больных целый коридор! Не мешайте работать!

Не получилось.

Второй вариант: заняться образованием. Пойти на какие-нибудь курсы. Марта записалась на специальный курс, антикризисный, для тех, кто потерял работу или потеряет ее в ближайшем будущем. Оказалось, полная глупость, ушлые люди делали деньги на чужом несчастье, дельных советов они не давали, проповедовали прописные истины и проводили тренинги, толку от которых было чуть. Марта пожалела о потраченных деньгах. Она попыталась, было, найти работу, но все говорили: «Приходите после Нового года». Рубеж был намечен: Новый год. А там будет видно. До Нового года никто не хотел совершать резких телодвижений, да и вакансий свободных не было. До Нового года.

Как-то незаметно изменились люди. Марта, беспечно бродившая по улицам, стала обращать на это внимание. Появилось много мужчин, хорошо одетых, интеллигентных, с приятными манерами и... свободных. Одиноких, без спутниц, без обручальных колец на руках, никогда не знавших черной работы. Они покупали стандартный набор продуктов, пельмени, сигареты, хлеб, а под конец негромко просили у продавца «бутылочку беленькой». Эти мужчины смотрели на женщин так, будто впервые их заметили, а с некоторыми, Марта сама слышала, даже пытались познакомиться. Что ж, многие использовали кризис для того, чтобы устроить личную жизнь. Но Марте не везло, она этих мужчин почему-то не интересовала. И вновь отчаяние: «Да что же во мне такого?!» Мелькнула мысль пойти к психотерапевту, бороться с комплексами, или к колдунье, снимать венец безбрачия, но Марта ее отвергла. Получится так же, как с курсами: деньги возьмут, а она останется прежней, и с комплексами, и с венцом. Надо искать себе другое занятие.

Марта стала ходить в бассейн, причем намеренно ездила в центр, в спорткомплекс Олимпийский, чтобы больше времени уходило на дорогу. С некоторых пор она стала этим заниматься, убивать время. Там тоже появилось много мужчин. У них был взгляд, которого Марта

раньше не замечала. Раньше они смотрели уверенно, как хозяева жизни, нет, не хамили, просто никого не замечали. Теперь же искали понимания. И тоже хотели общаться. Но Марта опять не входила в число женщин, с которыми пытались заговорить, ее, напротив, сторонились. Даже в наступившее смутное время, когда мужчины и женщины остановились, наконец, в этой бешеной гонке за деньгами и успешностью и стали замечать друг друга, она была не в счет. Что-то происходило, помимо озлобления и обиды на жизнь, помимо вполне обоснованных страхов за будущее и ненависти к богатым и успешным. Что-то, похожее на единение.

Люди стали задумываться, хотя раньше просто мчались галопом с одной работы на другую, торопливо зарабатывали деньги, которые потом так же торопливо, а порою и глупо тратили, не успевая получить от этого удовольствие, а потом спешили за новой дозой усталости и денег. И вдруг все встало. И стала понятна бессмысленность этой гонки, явно завышенная цена многих вещей из разряда материального, и заниженная духовных ценностей, а особенно семейных. Люди потянулись в тихую гавань, в семью, и если встречали там понимание, то это ее укрепляло. Богатство развращает и разъединяет, а бедность сплачивает. Главное, быть вместе и с надеждой, что все образуется. И в душе наступает покой.

Вот в чем был смысл! В семье! А Марта была одна. Ну не предлагать же себя всем без разбору? На нее просто не обращали внимания. В том же Олимпийском она заметила девушку неземной красоты, на которую смотрели все. На нее нельзя было не смотреть. Вот где природа расщедрилась!

«Наверняка, модель», – с завистью подумала Марта. Однажды, в раздевалке, их шкафчики оказались рядом, и она как следует рассмотрела красавицу. Всю, начиная от длинных стройных ног и тонкой талии, и кончая ангельским лицом с непропорционально большим ртом, помаду с которого девица не стирала даже в бассейне. Потом Марта поняла, что это не помада, красавица подставляла лицо под струи воды в душе, терла и щеки, и рот, но цвет его не менялся, он становился только ярче.

«Бывает же!», – подумала она. Это уже был болезненный приступ зависти к реальному человеку, который вот он, в двух шагах. Когда красавица появилась в бассейне, все мужчины невольно втянули животы и выпрямили спины, а та шла по кафелю, как по подиуму, виляя бедрами, так что сразу становилось понятно, чем девушка занимается.

«Ну, конечно, модель!» Даже зеленоглазая Майя, соперничая с этой блондиночкой за внимание какого-нибудь толстосума вполне могла потерпеть поражение. Даже Майка... непревзойденная, нахальная, такая уверенная в себе...

... На следующий день Марта не выдержала и поехала в клинику пластической хирургии. Пройдя предварительную консультацию и ряд тестов, она добралась-таки до верховного жреца, до того, кто и исправлял ошибки природы при помощи скальпеля. Разговор у них вышел трудный.

– Что вы, собственно, хотите? – спросил, осмотрев, ее и ознакомившись с результатами тестов, Георгий Рубенович.

– Я хочу стать красавицей.

– И какой ценой?

– Любой!

– То есть, вы хотите сделать пластическую операцию? А что именно вы хотели бы исправить?

– Все!

– Все?

– Я прекрасно понимаю, что дело не в моем носе или в разрезе глаз. Мое лицо... Оно просто некрасивое! – в отчаянии сказала Марта. – Все! Понимаете? Все!

– Ну, нельзя же так не любить себя. – Георгий Рубенович включил яркую лампу, взял Марту за подбородок, повернул боком, потрогал щеки и зачем-то бровь. – Лицо как лицо. И хуже бывает. Уж поверьте мне, всякого насмотрелся.

– Не надо меня утешать! Мне никакая пластика не поможет!

– Я рад, что вы все понимаете. Вы, похоже, неглупая девушка...

– Доктор, я отчаялась! Я знаю, что есть способ...

– А именно?

– Пересадите мне лицо какой-нибудь модели! – решила Марту.

– А где вы об этом слышали?

– Я читала. Я знаю, что первая операция прошла во Франции, женщине, которую искусила собака, пересадили лицо другой, которая покончила жизнь самоубийством. Я видела фотографии. С тех пор прошел не один год, медицина шагнула далеко вперед. Я уверена, что такие операции делают и у нас, в России.

– Гм-м-м... Возможно, что и делают, – осторожно сказал Георгий Рубенович. – Но вы должны понимать, каких денег это стоит. Новое лицо, это вам не почка. Это... Это лицо! Хотя и пересадка почки недешева.

– Я все понимаю, – торопливо сказала Марта. – У меня есть деньги.

– Вы не понимаете, о какой сумме идет речь. Это может стоить не одну сотню тысяч. Долларов.

– Я понимаю. Я продала квартиру, поэтому такая сумма меня не пугает.

– Вот как? – Георгий Рубенович впервые посмотрел на нее с интересом. – Вы готовы заплатить за операцию, ну, скажем, двести – двести пятьдесят тысяч долларов?

– Да.

– Триста?

– Да. Готова.

– Две недели вам придется провести в клинике, период реабилитации займет не один месяц, а окончательный результат вы сможете увидеть не раньше чем через год. Хотя... Судя по тестам, вы очень здоровый человек. Скажите, чем вы болели?

– Да практически ничем. Простудой раз в год.

– Отлично... – Георгий Рубенович уткнулся в ее анкету. – Еще бы на ваши анализы взглянуть, но я уверен, что они в порядке. Вас, милая, в космос можно запускать... С таким-то здоровьем... Не рожали, аборт не делали, не курите... Отлично! Вам позавидовать можно, честное слово! Такое отменное здоровье! И это сокровище вы хотите положить на алтарь красоты?

– Да!

– Вы не понимаете, о чем говорите. Вас ждут страдания. И физические, и моральные. Вы уверены, что сможете это выдержать?

– Да.

– Это вам не палец пришить, хотя и палец тоже невероятно трудно. Операция длится десять часов, без перерыва. Потом вам придется все время пить таблетки, поддерживать иммунную систему, чтобы ваше новое лицо организм не отторгнул. Придется учиться заново им управлять, у вас какое-то время будут затруднения с речью и прочие неприятности.

– Я готова.

– Вы упрямая девушка. Но вы правы, все это можно преодолеть. Главное настроиться, а вы, как я вижу, человек целеустремленный, и решение уже приняли. Но... Есть еще один момент, крайне сложный.

– Какой?

– Ваше новое лицо. Где его взять?

– У нас что, модели не погибают в автокатастрофе? На их жизнь никто не покушается? Они что, не умирают молодыми?

– А вы жестоки, – Георгий Рубенович достал сигарету. – Извините, я закурю... Случается, что и умирают... – затяжка, – молодыми. Но... Лицо должно быть взято у дышащего донора...

– Как так – у дышащего?

– Его сердце должно биться. Иначе все это не имеет смысла.

– Но... Как биться?

– Тук-тук... – затяжка. – Он должен быть в коме... Донор... Подключен к аппаратуре... Живой мертвец... И чтобы отключить его, нужно согласие родственников... – затяжка.

– Но... как же? – беспомощно сказала Марта.

– Что, об этом вы не читали? А это и есть главная проблема. И все ваши деньги... И мое умение... – затяжка, – это вторично... Хотя мне безусловно хотелось бы провести эту уникальную операцию, это очень интересно, тем более с таким материалом.

Он затушил сигарету и вновь взялся сильными пальцами, пахнущими табаком, за ее подбородок. Повернул так, чтобы свет падал на нижнюю половину лица.

– Пересаживают подбородок, губы, нос... То, что у вас явно не удалось... Да, для вас это единственный выход...

– Я согласна!

– Вы-то согласны, – Георгий Рубенович вздохнул и опустил руку. – Но где взять донора? Ту самую почти уже мертвую модель?

– Но раньше это как-то решалось?

– Предлагаете пойти на преступление? Или, может, у вас есть связи с мафией? Привезут вам с Украины какую-нибудь красотку... Или из Молдавии... Хотите стать молдаванкой? Волосы красите? – неожиданно спросил он.

– Что? Да, крашу.

– Это не имеет принципиального значения. Нам нужна белая женщина лет двадцати с небольшим... Или, может, мужское лицо хотите? Шучу... Белая красавица... Лет двадцати... Знаете что, Марта... Вы, конечно, пройдите полное обследование, так, на всякий случай. Всякое бывает. Но в вашем случае остается только ждать.

– Сколько?

– Быть может, всю жизнь, – усмехнулся Георгий Рубенович. – Я не могу вам обещать труп модели. Все остальное могу, а это нет.

– Хорошо, – она встала. – Но если он все-таки найдется...

– Я буду иметь вас в виду. Если я и решусь на эту уникальную операцию, то только с вами. Из-за вашего «космического» здоровья, дорогая моя. Я уверен, что вы справитесь. Но пока... – он развел руками. – Больше ничего для вас сделать не могу.

– Спасибо. Я оставлю свой номер телефона.

– Обязательно! Всего хорошего.

...Вечером она размечталась. Пересадить лицо... Такое, как у Майки... Или у той красавицы из бассейна... И весь мир у твоих ног! Надо, конечно, похудеть, переменить прическу, нарастить ногти, сделать педикюр... И период реабилитации займет какое-то время. Придется потерпеть, зато потом... Ах, какие возможности открываются!

Марта представила, как идет по улице, с новым лицом, постройневшая, и все на нее смотрят. Машины замедляют ход, сигналият... Одна, самая шикарная, останавливается, и из нее выходит принц... Нет, конечно, не принц, просто мужчина, красивый, богатый, как, скажем, ее бывший шеф Игорь Павлович...

Почему именно Игорь Павлович? О нем Марта даже мечтать, не смела. Но он такой... такой... Словом, принц. И вот он останавливается, выходит из своей шикарной машины и – к ней. И спрашивает:

– Девушка, как проехать на...

Тьфу ты! Ну, конечно же, он не это спрашивает!

– Девушка, вы не хотели бы со мной поужинать?

– Ну, я не знаю...

Надо, чтобы он помучился, потому что притормаживают и другие машины. А она все тянет с ответом.

– Если не сейчас, то когда? – не унимается «принц». – В любое удобное для вас время... В любой день.

Он начинает ее умолять... Потом становится на колени... Нет, это уже слишком! И Марта торопливо поднимает шефа с колен. Зачем же так? Всего лишь поужинать...

В следующий момент она выходит из роддома со свертком на руках. В свертке, разумеется, ребенок. Мальчик. Обязательно мальчик. Марта протягивает его Игорю Павловичу:

– Наш сын.

И он плачет от счастья. Она тоже плачет. Все плачут. Титры. Конец.

Она вздрогнула и посмотрела на экран. Фильм и в самом деле закончился. Размечталась! Тебе же сказали: новое лицо надо ждать. А главное, донор должен быть дышащим. А еще его родственники... Нет, это невозможно!

Она пришла в отчаяние. Что толку мечтать о невозможном? Но мысли о новом лице упрямо лезли в голову. А вдруг?..

1. 6

Деньги Рина достала. А клинику пластической хирургии порекомендовала подружка. И врача. Увидев ее, Георгий Рубенович повел себя так же, как все мужчины, когда-либо имевшие дело с Риной Кудрявцевой. Невольно втянул живот и выпрямил спину, сказал ласково:

– Ну-с? С чем пришли? Садитесь.

Она села. Георгий Рубенович на правах врача взял ее сильными пальцами за подбородок, повернул к свету:

– Ах, какая красавица! Ко мне-то зачем?

– Хочу увеличить грудь!

– Ах, это... Ну, раздевайтесь. Как зовут?

– Рина.

– Раздевайтесь, – с удовольствием повторил Георгий Рубенович.

Рина сняла кофточку, кружевной бюстгальтер и осталась в одних джинсах. Георгий Рубенович, улыбаясь, осмотрел ее стройную фигурку.

– Ну, просто красавица! По профессии, конечно, модель?

– Конечно! – тряхнула она льняными кудрями.

Он положил сильные, пахнущие табаком пальцы на ее грудь.

– Да, маловата. Впрочем, вполне соответствует вашему телосложению. Жировой прослойки нет совсем, одна только грудная мышца. Наверное, диетами себя изнуряете?

– Не без этого, – притворно вздохнула Рина.

– Если поправитесь, грудь увеличится сама собой. На размер, а то и на два. Смотря на сколько поправитесь.

– Мне толстеть нельзя. Мне грудь нужна для работы, а если я буду жирной коровой, толку с нее? Я хочу быть худенькой, как сейчас, но с большой грудью.

– А какие сейчас параметры?

– 84–61–91. Рост сто семьдесят семь.

– И в самом деле, модель. А грудь да, первый номер. Вижу. Ну и какую же вы хотите?

– Хотя бы третий. А сколько можно?

– Грудь рекомендуется увеличивать не более чем на три размера.

– Тогда четвертый!

– Я бы вам порекомендовал третий. Одевайтесь, – с сожалением сказал Георгий Рубенович.

Рина потянулась за бюстгальтером.

– А можно четвертый?

– Дело, конечно, ваше... По-моему, третьего, вполне достаточно.

– Ну, четвертый...

– Хорошо, – Георгий Рубенович невольно улыбнулся. – Как скажете. Операция несложная, на следующий день отпустим вас домой. Поболит, конечно, будут проблемы с вождением машины... Машину водите?

– Ну не пешком же я сюда пришла? А что значит – поболит?

– Поболит – это значит поболит. Вы женщина, потерпите.

– Но есть же какие-то лекарства? Чтобы не болело?

– Все лекарства, какие есть, я вам дам, – он опять невольно улыбнулся. – Может, все-таки третий?

– Нет, четвертый!

– Делать, так делать, да?

– Мужчинам нравится большая грудь.

– Ну, тогда вам от них просто отбоя не будет, – развел руками Георгий Рубенович. – Справитесь?

– С мужчинами? – она хихикнула.

– Вижу: справитесь. – И уже серьезно. – Вам надо сдать анализы. Можно по месту жительства. Где вы прописаны?

– Ой, далеко! – она опять хихикнула.

– Гражданство-то, надеюсь, российское?

– Я из-под Воронежа. Но сдавать туда анализы не поеду.

– Разумеется, кто же вас гонит под Воронеж! Пойдете в платную клинику и за деньги все сдадите. Аллергия у вас есть на какое-нибудь лекарство?

– Не знаю... – она задумалась. – Кажется, есть.

– На что именно? – насторожился Георгий Рубенович.

– Я не помню. Мама что-то говорила.

– Тогда вам придется пойти к аллергологу и прояснить это. Они выявят, что именно является аллергеном. Надо точно знать, какое лекарство вам давать нельзя. И позвоните маме.

– Хорошо, – кивнула Рина.

– Я думаю, все это займет не больше двух недель. Можно уже назначить дату операции. Как у вас со временем?

– Полно!

– Вот и хорошо. Сдавайте анализы. И надо купить импланты. Вы сейчас подойдете в регистратуру, вам скажут адрес. Поедете, проконсультируетесь, выберете, какие вам нравятся, подешевле, подороже...

– Подороже!

– Значит, подороже, – он улыбнулся. – Все правильно: красивая девушка, зачем экономить? Мужчины заплатят. Ну что ж, красавица, до встречи. Как? Не боитесь?

– Боюсь, – честно призналась Рина.

– Ну, не бойтесь. Все будет хорошо. Опирируем мы по вторникам. Через две недельки приходите. С анализами. И с грудью. – Рина хихикнула.

– До свидания.

– Всего хорошего.

Рина выпорхнула из клиники, вполне довольная собой. Врач сказал, что с новой грудью у нее отбоя не будет от мужчин. Ну, если даже врач это сказал...

Она сладко зажмурилась. Васик что-то не приходит и денег не несет. Звонил на днях, сказал, что дела, но как только станет посвободнее, заедет обязательно. А тут сюрприз! Рина с новой грудью! И никуда он не денется! Да что там Васик! Она себе другого найдет! Такого, что сразу купит дом на Рублевке, новую машину, кучу драгоценностей! Да что там дом! Женится на ней, на Рине Кудрявцевой! Вот чем все закончится! И будет она замужней, обеспеченной дамой, не продавать свои прелести в ночном клубе, а сверху, из ложи, потягивая розовое шампанское, взирать на тех, кто этим занимается, а они пусть завидуют!

Рина раз мечталась. Давно надо было решить проблему с квартирой и с пропиской. Да все некогда было: репетиции, показы, съемки, салоны красоты, бутики, тусовки... И вот вам кризис! Время решать насущные проблемы! Надо отделаться от маленькой родины раз и навсегда, стать москвичкой по-настоящему. А что делать с мамой?

Мама! Ну конечно! Рина села в машину и достала из изящной сумочки мобильный телефон. Пришлось звонить на домашний, по межгороду. Мобильник она купила маме еще три года назад, когда в последний раз была в родном городе, и денег на него положила, солидную сумму. Но прошло месяца три, и по номеру, абонированному Риной для мамы, ответил незнакомый мужчина. Она с удивлением узнала, что «нэкакой Кудравцевой здэсь нэт». Пришлось

звонить на домашний, и в разговоре Рина выяснила, что подаренный ею мобильный телефон мама отнесла на рынок и продала.

– Как же, Ноябриночка, деньги нужны... Зарплата-то у меня маленькая, это вы там, в Москве, деньги лопатой гребете...

Пропила, в общем. Мать и раньше увлекалась спиртным, а когда единственная дочь уехала в Москву, потихоньку начала спиваться.

– Скучно мне, Ноябриночка... А с водочкой легче. Выпью и забудусь. Взяла бы ты меня к себе, а?

– Куда же я тебя возьму? Я живу на съемной квартире, с подружками. Да я же целый день на работе, мама! Вот буду жить одна и занята поменьше, тогда обязательно!

Она стала работать гораздо меньше, и жила теперь одна, в роскошной квартире, но привезти сюда маму? Рина представила, как скривится Васик:

– Так ты что, дочь уборщицы? Понятно...

И ведь все об этом узнают! Мама будет целый день маячить перед глазами и, разумеется, мешать ее личной жизни. Еще и пить не перестанет. И пойдет молва, что мать шикарной Рины Кудрявцевой уборщица и алкоголичка! И куда она с таким багажом? Если бы можно было поселить маму в Москве, но отдельно... На самую окраину... И никто бы о ней не знал... Но на это деньги нужны, и немалые. Как-нибудь потом, когда с деньгами будет посвободнее...

Звонить пришлось долго. Рина подумала, что мама на работе, как ей вдруг ответили:

– Але? Ктой то?

– Мама?

– Какая мама? Ты куда звонишь, шалава?

Она уже по голосу поняла, что мать пьяная, но сдержалась.

– Мама, я это я, Рина.

– Какая еще Рина? Шалава! Курва!

– Твоя дочь Ноябрина, из Москвы.

– Ах, Ноябриночка... доченька... – залебезила мать. – Вот обрадовала...

– Мама, как у тебя дела?

– Да плохо, доченька. С работой плохо, со здоровьем. Да и денег совсем нет, Ноябриночка.

– На что же ты тогда пьешь?

– Да друзья зашли. Вот, празднуем...

Рина услышала в трубке пьяные мужские голоса, матерную ругань. «Друзья» матери известны всем, алкоголики, хорошо, не бомжи. А может, та уже и с бомжами связалась.

– Кто там, Машка? – отчетливо услышала Рина.

– Да погоди, дочка звонит... Из Москвы...

– Ах, бля, из Москвы! Буржуи, суки, чтоб вас там всех, мать вашу...

– Да погоди!

И другой голос:

– Ты денег, денег у нее попроси. Пусть пришлет.

– Буржуи, суки!

– Ноябриночка, мне бы денежек немного.

– Мама, ты можешь сказать, на какое лекарство у меня аллергия?

– Ноябриночка... да погоди! Денег бы мне... Сколько сможешь... Хоть бы рублей пять-сот...

– Тыщу проси!

– Мама, какое лекарство...

– Ноябриночка, я бы завтра—послезавтра на почту сбегала. Ты сейчас пошли.

– Хорошо, пошлю, только скажи, на какое лекарство...

– Буржуи, суки! Пусть две тыщи высылают, слышь, Машка?

– Эк, хватил! Две тыщи!

– Ноябриночка, мы тут с друзьями посидели, выпили, ты уж не обижайся, – залопотала мать, видимо ее совсем развезло. – Посидели, выпили... Скучаю я, доченька. Вроде и полегче стало, с водочкой-то... Уж как я по тебе скучаю, осподи-и-и! – завывала она. – Приезжай, доченька-а-а....

– Денег, денег, пусть везет!

– Отвяжись ты! Ноябриночка...

– Мама, я потом перезвоню.

– А денег...

– Я пошлю. Сейчас же поеду на почту, – соврала она.

– Слышали, вы? Сейчас мне дочь денег пришлет! Целых пять тыщ!

Рина не выдержала и дала отбой. Кошмар какой-то! Да не денег ей жалко! Мать все равно тут же их пропьет, хоть тысячу, хоть пять. Но как же узнать, на какое лекарство аллергия? Как-как! Да анализы сдать! Скорее всего, мать этого и не помнит.

На почту Рина ехать и не собиралась. А надоедать просьбами о деньгах мать не сможет, за междугородние звонки платить надо. Об этом телефонном разговоре надо поскорее забыть. Нехорошо, конечно, но кто ее заставляет пить? Не на хлеб же просит.

Рина достала из сумочки косметичку и с удовольствием, которое всегда при этом испытывала, подкрасила губы. Ни один мужчина своими прикосновениями не приводил ее в состояние, которое достигалось при помощи кисточки с блеском для губ и щеточки с черной или синей тушью. Тело становилось легким, как перышко, живот пустым, но с каждым прикосновением кисточки к нему приливалась кровь, пока не становилось горячо. Совсем горячо! В зеркале отразилось ее лицо с пылающими щеками. «Боже! Какая же я красивая!»

Рина откинулась на спинку кожаного сиденья и закрыла глаза. По всем телу разлилось тепло. Потом она коротко вздохнула, с сожалением убрала в сумочку косметичку и вставила ключ в замок зажигания.

Надо отвлечься. Поехать по магазинам и присмотреть себе кружевное белье с бюстгалтером четвертого размера. Самое красивое, самое дорогое. Новую грудь надо будет как-то отметить. И, разумеется, надеть новое, красивое белье!

1.7

Рина неуверенно вошла в клинику. В ночь перед операцией вся ее решимость куда-то исчезла, она ворочалась с боку на бок, долго лежала с закрытыми глазами, представляя себя с новой грудью, успокаивала себя тем, что процедура несложная и неопасная, но уснуть так и не смогла.

Раньше ей не приходилось бывать в операционных, хотя... Ей же удаляли аппендицит в раннем детстве! Ну, конечно! Даже шрам остался, предмет Рининых волнений и огорчений, хотя Васик говорил, что шрам едва заметен, это, мол, даже пикантно. Денег не хотел давать, жмот! На шлифовку лазером безобразного с Рининой точки зрения рубца. Самой операции по удалению аппендикса Рина не помнит, ей было года три или четыре...

Тогда же выяснилось, что у Рины Кудрявцевой аллергия на какое-то лекарство. Что значит, на какое-то? В платной частной клинике, где Рина сдавала анализы для операции по увеличению груди, ясно сказали, что это аспирин. Проверили мамины слова, самой Рине так и не удалось до нее дозвониться, но подруга, которой она дала поручение, сумела-таки связаться с Кудрявцевой—старшей и все выяснить. Ах, какая хорошая подруга! Прямо ангел-хранитель, недавнее Ринино приобретение! Окружила девушку такой заботой, что другой было бы неловко, но только не Рине! Красота для того и существует, чтобы ей поклонялись. О том, что в данном случае речь идет о женщине, Рина как-то не задумывалась. А ведь женщины ревнивы и завистливы, и помощь от них надо принимать с опаской: а вдруг за этим что-то кроется?

Но глупенькой Рине это и в голову не пришло.

И вот она в клинике. Дата операции назначена, ее ждут.

— Здравствуйте, проходите, — улыбнулась девушка на ресепшн. — Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Какое там, не волнуйтесь! Еще не родился человек, который без волнения ложится на операционный стол в ожидании общего наркоза! Мучает мысль: а вдруг не проснусь? Или наркоз дадут плохой, и я все буду чувствовать?

— А у вас наркоз хороший? — спросила Рина у девушки.

— Самый лучший! Да вы не волнуйтесь... А вот и Георгий Рубенович!

Рина вздрогнула.

— Что, поджилки трясутся? — улыбнулся хирург. — Операция несложная, не ты первая, не ты последняя. Анализы привезла?

— Да.

— Давай, я посмотрю.

Рина полезла в сумочку и протянула ему листки с печатями и подписями. Георгий Рубенович взял, внимательно стал их изучать.

— Так... Анализы хорошие, СПИД, гепатит, сифилис не обнаружен, гемоглобин сто десять... Маловато.

— Да вы поглядите, какая она худенькая! — жалостливо сказала девушка на ресепшн и поправила бейджик с именем Валентина на пышной груди. — Голодом себя морят, профессия у них такая. Ну откуда ж гемоглобин?

— Все равно плохо. А все остальное в порядке. Выяснила, на что у тебя аллергия?

— Да, — кивнула Рина. — На аспирин.

— Странно. Никогда раньше не слышал, чтобы на него была аллергия. Впрочем, всякое бывает. Это точно?

— Брали какие-то маркеры... — Рина наморщила лобик.

— Ладно, учтем. На остальные лекарства нет аллергии?

— Нет!

– Импланты привезла?

– Да, – Рина полезла в сумочку. – Ой!

– Что такое?

– В машине забыла!

– Ну, беги.

Рина метнулась к дверям. Когда она ушла, девушка на ресепшн сказала:

– Примета плохая, Георгий Рубенович.

– Ты бабка-гадалка или медсестра с десятилетним стажем? – рассердился тот. – Не кар-кай. Анализы в порядке, я проверил.

– И чего ей еще надо? Такая красавица! Чего там улучшать?

– Работа у них такая. И у нас работа. Не будь таких, как эта Рина, мы бы с тобой, Валечка, разорились. Времена сейчас тяжелые, каждый клиент на вес золота. Много у тебя звонков за последнюю неделю? То-то! Подпишет она бумаги, что согласна на операцию, и хорошо. Сейчас принесет импланты – отправь ее в кассу. Пусть оплачивает. И – начинайте готовить к операции. Поняла?

– Да, Георгий Рубенович.

– А язычок прикуси. Они деньги нам несут. Захочет, я ей по ведру силикона в каждую грудь вошью и половину ребер удалю, чтобы талия тоньше была. Ее дело.

Георгий Рубенович ушел. Вскоре вернулась запыхавшаяся Рина.

– Вот... Принесла...

– Ноябрьрина Александровна, вам надо подписать вот этот документ, – сладко сказала Валентина.

– Что это?

– Согласие на операцию. И договор. Мы предоставляем вам следующие услуги... Здесь все написано, читайте.

Рина пробежала глазами текст, не вникая в суть. Она так волновалась, что листок в руке подрагивал, строчки в глазах расплывались. Взяла ручку и, не глядя, подмахнула. Протянула договор медсестре:

– Вот.

– Проходите, пожалуйста, в кассу, – еще слаще сказала та. – Оплачивайте услуги.

Через час Рина уже лежала на операционном столе. До нее отсюда вывезли каталку с неподвижно лежащей на ней брюнеткой. Стало так страшно, что язык присох к гортани, Рина даже начала заикаться.

– Я н-н-... н-не могу...

Дородная женщина с усиками над верхней губой обняла ее за плечи и повела к столу, над которым висела страшная многоглазая лампа.

– Как зовут?

– Р-р-р... ина...

– Рина? Ох, какая худышка! – женщина по-матерински прижала ее к себе. – Ну, не волнуйся. Наркоз сейчас дают хороший, ты крепко уснешь, будешь видеть сладкие сны, а проснешься еще краше. Ну, ложись.

И вот она на столе. Женщина с усиками перетянула предплечье жгутом и теперь поглаживает ее тонкую руку, ища вену.

– Глубокие, и, похоже, плавающие... Кулачком поработай...

Рина покорно сжала и разжала кулак.

– Что там, Ольга Федоровна?

– Да вены у нее тоненькие... Никак не поймаю...

– Колите уже! – взмолилась Рина.

– Да куда ж колоть?

– А в ногу, Ольга Федоровна?

– Сейчас... Вот она...

На лицо Рины легла кислородная маска.

– Дыши, – раздался над головой мужской голос.

Рина глубоко вздохнула, раз, другой и... провалилась.

Очнулась она, когда рядом раздалось:

– Ну вот и все... А ты боялась...

Потом она почувствовала боль. К ней Рина не была готова. Почему никто не сказал, что будет так больно?

– По-мо-ги... те...

– Что? Что такое?

– Болит... – с трудом выговорила она.

– Ну, потерпи. Я же сказал: поболит...

Георгий Рубенович.

– Операция прошла успешно, скоро дам тебе возможность полюбоваться новой грудью. А сейчас спи. Наркоз будет отходить примерно час. Потерпи, девочка.

Ее ввели в палату и бережно стали перекладывать с каталки на кровать.

– Ну вот, Валечка, а ты боялась... Наркоз отойдет, дашь ей антибиотики, сразу четыре таблетки. Инфекция нам сейчас не нужна. Идем, я дам тебе назначение...

Так плохо Рине не было еще ни разу в ее коротенькой жизни, даже когда она болела сильнейшей простудой и лежала дома с высокой температурой. Сейчас ее словно в стиральной машинке прокрутили, а потом включился другой режим: отжим. Мелкая непрерывная дрожь сменилась ломотой во всем теле и каким-то неприятным одеревенением рук и ног. Ей было плохо. Грудь невыносимо болела.

Через час пришла медсестра, протянула таблетки:

– Это надо выпить.

Рина послушно выпила. Потом она почувствовала, что становится трудно дышать. Одеревенение сменилось слабостью. Сказать она ничего не успела, но увидевшая ее лицо с посиневшими губами медсестра вдруг закричала:

– Георгий Рубенович!!! О Господи! Идите сюда!!!

Того, что произошло дальше, не ожидал никто, и готовы к этому в клинике не были. Когда Рина потеряла сознание, в ее палате были Георгий Рубенович, врач-анестезиолог Ольга Федоровна, две медсестры...

– Пульс не прощупывается! – отчаянно закричала Валечка.

– Давление... давление падает! Георгий Рубенович! – беспомощно сказала Ольга Федоровна. – Что делать?

– Она ж умирает!

– В реанимацию, быстро!

И вновь Рина летела на каталке по больничному коридору. В клинике началась паника.

– Не понимаю, что происходит... – Георгий Рубенович беспомощно развел руками. – Подключайте ее к аппаратуре, быстро! Валя, что ты сделала?

– Я... Господи... – всхлипнула медсестра. – Я просто дала ей таблетки... Как вы сказали... И она начала задыхаться...

– Да у нее же анафилактический шок! – охнула Ольга Федоровна. – Сильнейшая аллергия на антибиотики!

– Но она сказала: аспирин...

– Да какой к черту аспирин! Адреналин! Быстро! – страшно закричал Георгий Рубенович.

– Давление падает...

– Пульс... она умирает...

Валя, дрожащими руками стала набирать лекарство в шприц.

– Что ты копаешься?! – закричал Георгий Рубенович.

– Сейчас...

Медсестра наконец набрала лекарство.

– Коли!

– Куда?

– В сердце! Дай сюда!

– Давление падает...

– Она почти не дышит...

– Поздно...

– Молчать!!!

... Через мучительных пять минут:

– Дыхание есть, Георгий Рубенович...

– Пульс... пульс есть... нитевидный...

– Это кома.

– По крайней мере, жива...

– Жива... Валя... У меня в кабинете коньяк... Принеси... А грудь получилась красивая... – невпопад сказал Георгий Рубенович и дрожащей рукой вытер пот со лба. – Все понятно: у нее аллергия на антибиотики, а мы дали дозу, слону впору. Но кто ж знал?

– Почему же она не сказала? – беспомощно развела руками Ольга Федоровна. Усики над ее верхней губой тоже были мокрые.

– Ты меня спрашиваешь? Да и какая теперь разница? Все уже случилось.

– Надо бы родственникам сказать...

– Подумать надо, как сказать и что. Ты соображаешь, Ольга, чем нам это грозит?

– Лицензию отберут?

– Хорошо, если только лицензию... Как бы за решеткой не оказаться. Дежурить здесь постоянно, следить за ее состоянием. Будет падать давление – сказать мне немедленно. Если очнется – тоже сказать. Но это вряд ли, – с сожалением добавил Георгий Рубенович.

Пришла Валя с бутылкой коньяка. Георгий Рубенович подошел к раковине, ополоснул лицо, сделал большой глоток прямо из бутылки и достал сигареты. Глубоко затянулся. Руки у него дрожали.

1. 8

- Валя, она оставила контактный телефон?
- Да, конечно! Договор заполнен по всем правилам.
- Согласие на операцию есть?
- Разумеется!
- Паспортные данные?
- Все есть, Георгий Рубенович.
- Где ее личные вещи?
- В шкафчике, как всегда.
- Пойди, принеси их.
- А разве...
- Принеси, я сказал! И договор захвати.

Валя ушла. Он какое-то время сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, руки уже не дрожали, но в душе была пустота, предвестник больших неприятностей. Такая налаженная, сытая жизнь рушилась. Один промах и – все. Конец карьеры. Эта Кудрявцева наверняка имеет богатого покровителя, и ее любовник, вне всякого сомнения, начнет судебный процесс против клиники и лично Георгия Рубеновича, давшего назначение на антибиотики. С простыми смертными еще можно потягаться, но у олигарха (а никто не сомневается, что любовник красавицы модели олигарх) целый штат юристов и отличный адвокат.

- Надо что-то делать. Попробовать договориться?
- Вот, Георгий Рубенович. Договор и... ее вещи.
- Хорошо. Можешь идти.

Валя ушла. Он открыл сумочку. Там царил беспорядок, свидетельство безалаберного характера Рины. Вперемешку лежали косметика, изящные безделушки, гигиенические прокладки, паспорт... Мобильный телефон... Отключен. Все правильно: она шла на операцию. Георгий Рубенович открыл паспорт. Кудрявцева Ноябрина Александровна. Она, оказывается, Ноябрина! Красивое имя. Да, прописана в Воронежской области, гражданство российское. Двадцать один год. Жаль. Красивая была женщина. И такая молодая. Он закрыл паспорт и вновь вернулся к сумочке. Георгий Рубенович не мог отделаться от мысли, что не видит чего-то важного. Очень важного... Здесь определенно чего-то не хватает...

Ключи от машины. Ну, конечно! Рина приехала сюда на машине. Она забыла в салоне импланты, побежала за ними, вернулась со свертком...

- Валя!
- Да, Георгий Рубенович?
- Пышногрудая медсестра словно под дверью стояла. Чего-то ждала.
- На какой машине приехала Кудрявцева?
- На «Ауди» ТТ.
- Ты так хорошо разбираешься в машинах?

– У меня подруга в РАО работает. Общество автомобилистов. Она водит машину, и когда мы едем, все время комментирует проезжающие авто. У этого двигатель задушенный, у того подвеска слабая. Когда Кудрявцева бегала за имплантами, я к окошку подошла: было интересно, на чем она приехала? На «Ауди».

- Хорошо, не на «Бентли», – буркнул Георгий Рубенович.
- «Ауди» тоже дорогая машина.
- Пойди, посмотри, на месте ли она. Помнишь, где Кудрявцева ее поставила?
- Конечно!

Валя исчезла. Георгий Рубенович придвинул к себе договор. Контактный телефон: семь цифр. Наверняка мобильный, причем прямой. «Василий». Так и есть: у нее богатый любовник. Штампа о заключении брака в паспорте нет, но от этого не легче. Василий, значит. Надо звонить, не откладывая в долгий ящик. Проблему надо решать. Он набрал номер и вскоре в трубке раздался низкий мужской голос:

– Слушаю.

– Вас беспокоят из клиники пластической хирургии...

– Из какой клиники? – недовольно переспросил мужчина. – Слушайте, откуда у вас мой номер?

– Рина Кудрявцева попала в неприятную историю... – торопливо сказал Георгий Рубенович.

– Ах, Рина... ну и что именно с ней случилось?

– Видите ли... Она потеряла сознание... И теперь она в коме, – наконец, выговорил хирург и вытер пот со лба.

– Ну а я-то что могу сделать?

– Э-э-э... Мы пытаемся связаться с ее родственниками, чтобы как раз выяснить, что же нам теперь делать?

– Вы ошиблись. Я не ее родственник.

– Но она оставила ваш номер телефона...

– Ну и что?

– Но вы ей... Понимаете, она подключена к аппаратуре...

– Ну и что?

– Это э-э-э... дорогостоящее лечение...

– Я-то здесь при чем?

– Но... как же?

– Всего хорошего.

Отбой. Георгий Рубенович удивленно посмотрел на молчащую трубку. Вот это поворот! Прибежала запыхавшаяся Валя.

– Георгий Рубенович! Машины на стоянке нет!

– Как это – нет?

– А нет! Кудрявцева, похоже, ключи в машине забыла. Вот ее и угнали.

– Как так – забыла?

– Торопилась очень. Волновалась.

– Час от часу не легче!

– Надо в милицию заявить.

– Да погоди ты с милицией!

Георгий Рубенович задумался. И медленно, с паузами, тщательно обдумывая каждое слово:

– Получается, что до нашей красавицы никому нет дела... Интересно получается!

– Родителям надо звонить.

– Да погоди, – с досадой отмахнулся хирург. – Успеешь. И телефона нет. Где его взять, скажи?

– Адрес в паспорте есть?

– Предлагаешь частного сыщика нанять? Опять расходы.

– В милицию надо...

– А подумать? Они ведь дело заведут. Чтобы закрыть его, опять-таки понадобятся деньги, и немалые... Мы вроде как не виноваты, а получаемся крайние. Согласие на операцию она дала? Дала! Но прессе это безразлично, ей бы скандал, да погорячее. Представляешь газетные заголовки? Красавица модель умерла под ножом пластического хирурга! Репутация клиники

пострадает, клиентов и так не густо, а после пары-тройки таких статей можно будет закрываться. У тебя есть запасной вариант? Я имею в виду работу? То-то. И у меня нет. И вряд ли теперь будет... – он достал из пачки сигарету. – Я все свои деньги вложил в эту клинику... Ты вот что...

– Что, Георгий Рубенович?

– Попробуй выяснить частным порядком, кто ее родители.

– У меня знакомый в милиции работает.

– Опять ты со своей милицией!

– Но я же частным порядком! За телефон-то немного заплатить придется. Родственницу, мол, ищу. Двоюродную сестру, наследство делить.

– А голова у тебя работает, – похвалил Георгий Рубенович. – Ладно, действуй.

– А с машиной что делать?

– Машина чья? Кудрявцевой! Ключи в машине кто забыл? Она же! Ну и при чем здесь мы?

– И в самом деле... А если бы я не видела, на чем она приехала и где припарковалась?

– Вот именно. Не видела.

– Все поняла, Георгий Рубенович.

– Ну, иди. И глянь, как там она? Если лучше или хуже, скажи. Иди, Валюша. А я думать буду.

Когда дверь за медсестрой закрылась, он достал коньяк, налил полную рюмку. Закурил. Выпил, не спеша. В душе постепенно просыпались чувства, появились боль, радость, сожаление, но пустоты в ней больше не было, и страха не было тоже. Главная проблема, ее богатый любовник, похоже, отпала. Уже легче.

А нельзя ли извлечь выгоду из этой ситуации? Здоровая девка, молодая, красивая. Вот именно: красивая...

Настоящее сокровище! Истинно: сокровище... Он вздрогнул: одумайся! Это же криминал! Ждать надо. Вдруг ей станет лучше?

... Следующие два дня состояние Рины не менялось. Тайком Георгий Рубенович вызвал своего дальнего родственника, доктора медицинских наук, специализирующегося как раз на таких случаях. Осмотрев Рину, тот сказал:

– Стечение обстоятельств. Если бы не послеоперационное состояние, она бы с этим справилась, то есть, не была бы сейчас в коме. Но слаба. Гемоглобин низкий, опять же. Организм не выдержал, и доза, как ты говоришь, была немалой. Что можно сказать сейчас? Состояние стабильное. Сердце у нее здоровое. Она так может пролежать и год, и два и десять...

– Шутить?

– Ничуть. Вопрос: кто будет за это платить? Надо перевезти ее в больницу, вызвать родственников...

– В том-то и проблема, – вздохнул Георгий Рубенович.

– Ну, если нет родственников... – развело руками медицинское светило. – Разве что в благотворительную организацию обратиться? Но я о таких случаях не знаю.

– А может ей стать лучше?

– Теоретически и такое тоже может случиться. Но в ближайшее время вряд ли. Ей нужен хороший уход.

– Что ж, спасибо за консультацию. Сколько я тебе должен?

– Э, брось... В ресторан как-нибудь сводишь.

– Договорились.

– Если что – звони. Объявятся ее родственники, я с ними поговорю. Дам назначение, рекомендации. Шанс есть.

– Спасибо тебе, – пожал ему руку Георгий Рубенович. Хотя оптимизма ему услышанное не прибавило. Ситуация оставалась неопределенной.

В тот же день пришла взволнованная Валя с плохими новостями:

– Георгий Рубенович, я достала телефон ее родителей. Вернее, матери, отца у Рины нет.

– Ну, как? Поговорила с ней?

– Поговорила... – странно улыбнулась Валя. – Меня даже называли курвой и шалавой.

– Как-как?

– Пьяная она была. На дочь, похоже, сильно обижена, та обещала денег прислать и не прислала. В квартире шум, гам. Пьянка, похоже.

– Ты ей сказала, что дочь в коме?

– Пыталась. Бесполезно.

– Надо было перезвонить на следующий день.

– Звонила. Сегодня, с утра. Все то же, Георгий Рубенович. Там дым коромыслом, до Рины никому дела нет. Даже если Кудрявцева протрезвеет... Да у нее денег ни копейки! Кто купит ей билет в Москву? Не говоря уже о лечении... – Валя махнула рукой.

– Ладно, попробую я.

Георгий Рубенович взял в руки телефон.

– Вы кому хотите звонить? Матери?

– Нет. Ее любовнику. Может, одумался?

На этот раз на том конце эфира раздался женский голос:

– Аллю. Говорите.

– Вас беспокоят из клиники пластической хирургии.

– Откуда?!

– Вообще-то мне нужен Василий.

– Я его жена. Говорите, я все передам.

– А где он сам?

– В ванне.

– А можно дать ему трубочку?

– Он в грязевой ванне. На СПА процедурах. Говорите. Я сказала, что все передам, – голос женщины был раздраженным.

– Видите ли... – Георгий Рубенович замялся. – Дело деликатное.

– Муж мне полностью доверяет. Мы уже много лет вместе, живем душа в душу, никаких тайн друг от друга нет, так что говорите! – властно сказала женщина.

– Речь идет о Рине... Это девушка... В общем, она попала в неприятную историю и оставила этот номер телефона. Ей срочно нужна помощь.

– Что именно с ней случилось? – жадно спросила женщина.

– Она в коме.

– Ах, в коме... Ну и при чем здесь мой муж?

– Он э-э-э... принимал в ней некое участие...

– Она какое-то время была его любовницей, я знаю. Муж во всем мне признался, и я его простила. Василий бросил эту девочку еще месяц назад, он мне сам сказал. Мы сейчас на Мальдивах, у нас все хорошо...

«На Мальдивах!» – похолодел Георгий Рубенович. «Во сколько же мне обойдется звонок?!»

– ... я ей сочувствую, поверьте, но это не наши проблемы. Пусть о ней позаботятся родственники.

– Но у нее нет родственников, только ваш муж, – заикнулся, было, Георгий Рубенович, но его резко оборвали:

– Василий слышать больше не хочет об этой Рине. И денег она от него пусть не ждет. Не звоните нам больше.

Все. Отбой.

«Я сделал все, что мог. Бедная девочка!»

– Ну и что будем делать, Георгий Рубенович? – тихо спросила Валя.

– Не знаю. Оставить Рину здесь, в клинике? Невозможно. У нас и так сорвались несколько плановых операций. Мы несем убытки. Перевезти в больницу? Сомневаюсь, что у нее есть страховой полис, она официально нигде не работала. Полиса нет, денег нет. Матери не нужна, любовник от нее отказался, укатил с женой на Мальдивы. Тупик.

– Отключить от аппаратуры? – холодея, сказала Валя. – Без согласия родственников?

– Зачем же просто отключить? Есть другой вариант.

– Какой?

Георгий Рубенович закурил и вновь потянулся к телефону. Ответили быстро.

– Да? Я слушаю.

– Марта?

– Да, это я.

– Вас беспокоят из клиники пластической хирургии. Вы еще не отказались от мысли стать моделью?

Валя ахнула и закрыла рот рукой. Георгий Рубенович взглядом приказал ей молчать.

– Нет, – раздалось в трубке после небольшой паузы.

– Анализы сдали?

– Какие анализы?

– Для операции.

– Но...

– Вам повезло. Приезжайте в клинику, поговорим. Я покажу вам то, что вы хотите.

– Когда?

– Сейчас и приезжайте. Жду.

Он положил на стол телефон и глубоко затянулся сигаретой.

– Георгий Рубенович! Но это же не... незаконно...

– Это выход из сложившейся ситуации. Мы пересаживаем некрасивой девушке лицо модели, и она платит за это огромные деньги. Одним махом решаем все свои проблемы, еще и заработаем. Материал великолепный! Что та, что эта!

– А что потом?

– О потом и думать будет потом. Главное, что выход есть.

– А... тело? Модели? Куда его девать?

– Что-нибудь придумаем. Надо сделать так, чтобы ее невозможно было опознать... Что ты дрожишь? Успокойся! Это нормально, когда у здорового молодого человека, умершего вследствие несчастного случая, берут для пересадки его здоровые донорские органы.

– Но то органы...

– А лицо – это что? Тоже, можно сказать, орган. Я даю ей вторую жизнь. Из двух женщин, одной умной, другой красивой, мы сотворим идеальную. – Георгий Рубенович ткнул в пепельницу сигарету.

– А вы сможете? Это же так сложно!

– Операция, ты имеешь в виду? Да, сложнейшая. Но я уверен, что справлюсь. У нас хорошая аппаратура, опытный персонал, я к этому долго шел... – он вытянул руки вперед, растопырив густо поросшие волосами сильные пальцы. Дрожи больше не было. – Я справлюсь...

1.9

С утра у Марты было предчувствие. Что-то должно случиться. Что-то, что в корне изменит ее жизнь. Когда раздался телефонный звонок, она вздрогнула. Это могло быть все что угодно. Майка одумалась, или в одной из фирм, где Марта прошла собеседование, ее оценили, у мамы срочное дело... Все что угодно... Но это был Георгий Рубенович, пластический хирург.

– Вы еще не отказались от мысли стать моделью?

Стать моделью! И он еще спрашивает!

– Нет.

– Приезжайте, я покажу вам то, что вы хотите.

Она отчего-то представила стеклянный сосуд, в котором в прозрачной жидкости плавает женское лицо. И почему-то представила лицо Майи. Протянула руки, вынула его из раствора и приложила к себе. Лицо пришлось в пору, облекло, словно вторая кожа, и... прилипло. С рук капала вода, нет, не вода... Кровь! Ей показалось, что это кровь!

– Какая чушь! – вслух сказала Марта, и видение тут же исчезло.

Она дрожащими руками стала натягивать джинсы.

– Это мой шанс, – повторяла Марта беспрерывно. – Мой шанс...

Минут через сорок она уже была в клинике. Георгий Рубенович ласково сказал:

– Идемте со мной.

Она шла вслед за хирургом по больничному коридору, как слепая, ничего не видя, сердце бешено стучало.

– Вот она, – услышала Марта.

Зрение постепенно вернулось, и она увидела: на кровати, облепленная датчиками, с резиновой трубкой в носу лежит красавица из бассейна. Та самая блондинка с большим чувственным ртом. Спросила хрипло:

– Что с ней?

– Кома. Как вам это лицо?

– Красивое.

– Да ты посмотри повнимательнее, – сказал Георгий Рубенович, переходя на ты, и обняв Марту за плечи, подвел ее к кровати.

Она давно уже рассмотрела его в подробностях, это прекрасное лицо, особенно большой алый рот.

– Красавица, да? Между прочим, модель. Ну как? Нравится?

– Да.

– Тогда решайся.

– Что я должна делать?

– Деньги, где у тебя?

– В банке. В ячейке.

– Анализы?

– Сдала недавно. По месту жительства.

– У тебя, надеюсь, нет никакой аллергии? На лекарства.

– Нет.

– Отлично. Вези деньги и... ложись на операцию.

– Сколько?

– Триста тысяч долларов. Как договаривались.

– Хорошо.

– Не тани, слышишь? А то я эту красотку продам по частям.

Она опять вздрогнула:

– Что значит – по частям?

– А то и значит. Такой товар всегда в цене. Родственников у нее нет, согласие спрашивать не у кого.

– Вы уверены? А... мать? Отец?

– Я сказал: никого нет. И вообще: это не твоя проблема. Ты платишь деньги. Ну? Дрожишь?

Георгий Рубенович крепче прижал ее к себе. Марта и в самом деле дрожала. Спросила только:

– Когда?

– Это от тебя зависит. Она в таком состоянии, что может и год так пролежать. И десять может. Но кому это нужно? Никому. Поэтому – решайся.

– Я согласна.

Дальше все было как в тумане. Она не помнила, как вышла из клиники, как ехала домой. Нет, не домой, к маме. Единственный человек, который должен был узнать о том, что она задумала. Ведь после операции мама ее не узнает.

Та, разумеется, сразу начала отговаривать.

– Что ты задумала, доченька? Да зачем тебе это?

– Я не хочу больше так жить. Понимаешь: так. Прозябать. Мне это надоело.

– Да все образуется! погоди, найдешь новую работу...

– Какую?

– Ты отличный бухгалтер.

– Вот именно: бухгалтер. Мама, но это же невыносимо скучно! Ты посмотри, как живут другие женщины. Красивые. Та же Майка. Ходят по ночным клубам, танцуют, веселятся, их окружают богатые мужчины. Они ни в чем не знают отказа. Они счастливы, мама. А я... Я глубоко несчастна.

– И что даст тебе эта операция? – осторожно спросила та.

– Новое лицо. Красивое.

– Как так? Это что ж, пластическая операция?

– А я тебе о чем, мама, толкую! Я приехала, чтобы тебя предупредить. Я ложусь в клинику. Проведу там две недели. Ты ко мне не приезжай, не надо.

– Как же так, дочка? Ты в больнице, а я к тебе и приехать не могу?

– Не надо было тебе говорить, – в отчаянии сказала Марта. – Но после операции я сильно изменюсь. Понимаешь? Сильно! Ты увидишь совсем другого человека. Но ты должна знать, что это я.

– Но голос-то твой останется?

– Голос... У меня будут проблемы с речью. Какое-то время. Так врач сказал. А что будет потом, я не знаю. И он не знает. Никто не знает. Может быть, изменится и голос.

– Доченька, одумайся! Зачем тебе это? Ты у меня и так самая красивая!

– Перестань! Я все уже решила.

– Одумайся...

– Нет, мама. Нет, – мягко повторила она. – Тебе не удастся меня отговорить. Зато потом... Потом ты сама будешь рада, что я так поступила. У меня будет море поклонников, новая работа... Да что там работа! Новая жизнь! Я выйду замуж, рожу тебе внука. Или внучку.

– Лучше внучку, – всхлинула мама.

– Нет. Мальчика. Не надо нам больше некрасивых незамужних женщин, этому пора положить конец. Я оставлю номер контактного телефона в клинике: твой. И ты можешь звонить, спрашивать хоть каждый день о моем состоянии. Как только я смогу говорить, я тоже тебе позвоню. А пока буду посылать SMS.

– Ты меня пугаешь.

– Успокойся. Операция несложная, – соврала она. – Ты знаешь, где я, что со мной. Я в больнице. Со мной опытные врачи. Ну, все? Легче?

– Да какое там, – всхлипнула мама и повторила: – Одумайся, дочка.

Но твердая в своем решении Марта упорно двигалась дальше. Кто еще? Кому надо сказать о предстоящей пластической операции? Майке? Или приготовить сюрприз?

Надо бы забрать в отделе кадров трудовую книжку. Нет, Марта придет за ней уже после операции, с новым лицом. Это будет момент ее триумфа. Главное, заполучить его, это лицо. Надо поспешить.

Марта не думала о проблемах, которые неизбежно возникнут, если она изменит внешность. Она думала только о том, какой станет красавицей и как возьмет реванш. У той же подруги, у Игоря Павловича, который наверняка остолбенеет, увидев ее с новым лицом, у Инны Иосифовны. У судьбы, наконец, которая была так безжалостна к ней, к Марте Свежаковой. Она всех их победит!

Полная решимости, Марта поехала в клинику уже с деньгами. Там вовсю шла подготовка к сложнейшей операции.

– Жаль, что сказать никому нельзя, – посетовала Валя, раскладывая сверкающие инструменты.

– Что сказать? – удивленно посмотрел на нее Георгий Рубенович.

– Ну как? Каждый день, что ли, такие операции делают? А вдруг получится?

– Тихо ты! Получится.

– Тогда бы к нам народ валом повалил.

– Давай сначала проблему решим.

– Как скажете, Георгий Рубенович, – вздохнула пышногрудая медсестра.

«А ведь она права. Во Франции да в Штатах газеты раструбили бы: уникальная, мол, операция. Хирургу – честь и хвала. А ты за деньги. И чтобы скрыть врачебную ошибку. Но это ж Россия! Понимать надо. У нас все уникальное и эксклюзивное только за деньги и только тайно. Зачем привлекать к себе внимание? Славу на хлеб не намажешь. А вот наладить бизнес по пересадке лиц...» – Георгий Рубенович размечтался. Ах, какие возможности открываются!

– Клиентка приехала! – взволнованно доложила Валя. – С деньгами!

– Ну, води ее ко мне в кабинет...

1. 0

Только в операционной Марта дрогнула. Рядом со столом, на котором ей предстояло провести много часов под общим наркозом, до подбородка накрытое простыней, лежало неподвижное тело Рины, которая также пришла сюда, не думая о плохом, а теперь вот находится в коме. А вдруг не получится? Операция сложнейшая. Марту никогда раньше не оперировали, она была на редкость здоровым человеком. Физические страдания ей были незнакомы, простуда два раза в год не в счет. А теперь – под нож. Добровольно, не по медицинским показаниям, а потому что она так захотела. Красавицей стать решила. Она все никак не могла оторвать взгляда от Рины и мелко-мелко дрожала.

– Что случилось, девочка? – обняла ее за плечи врач-анестезиолог, дородная дама с усиками над верхней губой.

– Боюсь, – честно призналась Марта.

– Сейчас ты крепко уснешь, а когда проснешься, все плохое уже будет позади. Наркоз сейчас дают хороший.

«Она всем так говорит».

– Давай-ка, ложись.

Марта послушно легла на операционный стол и словно одеревенела. И тут же стала замерзать. Ее колотила дрожь, и от холода, и от волнения. Было страшно. В операционную заглянул Георгий Рубенович, спросил:

– Все готово? Давайте ей наркоз.

На Марту он не смотрел, и та поняла: тоже волнуется. Господи, что же она наделала? Тут же Марта почувствовала боль: в руку вошла игла.

– Я не... не хочу, – попыталась, было, сказать она, но не успела.

«Не надо... остановитесь...»

– Она уснула, Георгий Рубенович...

– Ну-с... приступим, пожалуй...

Дальше был сон. Сначала хороший. Ей было тепло и спокойно. Она словно парила в небесах, внизу земля, вокруг облака, похожие на пух из маминой подушки и такие же мягкие, тело было невесомым, голова ясной. Она была почти счастлива, согрелась и успокоилась. Но потом все вдруг переменялось. Марта услышала голос:

– Что же ты наделала, девочка?

Стало холодно. Она поднялась выше, в космос. Теперь все вокруг было черным, и почему-то ни луны, ни звезд.

– Что же ты наделала, девочка?

Мама? Нет, это не мама.

«И в самом деле: что же я наделала?»

Она поднималась все выше и выше. В какой-то момент захотелось вернуться, и Марта посмотрела вниз, на землю, но уже ничего не было видно, даже облаков. Она испугалась, а потом почувствовала облегчение. Выше! Еще выше!

– Давление падет, Георгий Рубенович.

– Только этого не хватало!

– Сердце сейчас остановится.

– Она справится...

Здесь, наверху, кислорода почти не было, и Марта начала задыхаться. Чем выше она поднималась, тем труднее было дышать. Еще чуть-чуть, еще немного... Выше!

– Дыши!

Нет, не могу... Она замотала головой.

- Что делать, Георгий Рубенович? Швы сейчас разойдутся!
- Спокойнее... Марта, девочка, дыши. Ну же!

Она инстинктивно сделала глубокий вдох и тут же начала падать. Появились белые облака, только теперь они уже не были похожи на перья из маминой подушки, холодные, как иней, колючие, лезли в нос и рот, Марта даже попыталась их выплюнуть.

- Спокойно...
- Давление стабилизировалось...
- Пульс ровный, хорошего наполнения...
- Я же говорил, что она справится...
- Слава Богу!

– Где... я? – попыталась сказать Марта, но не получилось. Губы ее не слушались. Лицо словно льдом сковало, она не сразу поняла, что на нем лежит толстый слой марли. Марта с трудом могла дышать. Хотелось разбить лед, под которым она лежала, но сил не было.

Над головой раздался голос Георгия Рубеновича:

- Операция прошла успешно. Сейчас ты опять будешь спать. И нам всем надо отдохнуть.
- Одиннадцать часов, без перерыва, – сказал кто-то, похоже, дама с усиками.
- Это же успех, Георгий Рубенович!

– Пока еще рано об этом говорить. Везите ее в палату. Обращаться как с хрустальной вазой, у постели дежурить круглосуточно. Молодец, девочка! – похвалили ее.

Она была не молодец, а мумия. Спеленатая по рукам и ногам, лицо заковано в ледяной панцирь. Оно ее совсем не слушалось. Хотя боли не было. Ничего не было.

«Почему? Почему я там не осталась?» – она вспомнила, как поднималась вверх, без света и почти без воздуха. Мучила мысль: а что там, еще выше? Смерть? Это не страшно. Даже приятно. Надо было остаться.

Но ее зачем-то вернули. Ей надо было жить.

Она запомнила только больничный коридор, по которому ее везли на каталке. Потом Марту бережно, словно бы она и впрямь была из стекла, переложили на кровать. Рядом поставили капельницу, в вене теперь все время была игла. Боли она так и не успела почувствовать, вновь провалилась в сон.

Последняя ее мысль была: «Получилось...»

Часть вторая

две недели спустя

2. 1

Несколько дней она существовала больше во сне, чем наяву. Именно существовала, потому что жизнью это нельзя было назвать. Так зреет под пленкой в теплице какой-нибудь огурец, живя только милостью огородника и случайными лучами солнца, дрожа от сквозняка и ежась от скопившегося за ночь конденсата, когда тот проливается на землю. Просыпалась и вскоре вновь засыпала, ее беспрерывно пичкали снотворным и обезболивающим. Состояние было странное, и конца этому, казалось, не предвидится.

Два дня не кормили вообще, потом только протертыми супами и жидкими кашками, понемногу. Ей же все время хотелось есть. Когда она не спала, думала только о еде, желудок урчал, тело слабело. Она чувствовала, как худеет на глазах, тает, словно восковая свечка. А ведь сколько раз пыталась сбросить вес! Пробовала различные диеты, гимнастику делала, даже в бассейн записалась, на уроки аква-аэробики. И ничего не получалось. Она приходила с работы голодная, усталая и тут же набрасывалась на еду. А шоколадки в верхнем ящике рабочего стола? Привычка заедать стресс: красавец шеф частенько срывал злость на сотрудниках, с особым удовольствием на таких безответных и терпеливых, как Марта.

Теперь же лишние килограммы уходили сами собой, да не по одному в день. Она не узнавала своего тела, часами, поскольку делать было нечего, рассматривая сильно похудевшие руки и ноги, ощупывала талию, бедра. Потом ей разрешили ходить, но говорить по-прежнему не разрешали. Да она и не могла. Желудок словно усох и больше не требовал пищи. Она потихоньку расхаживалась, все пытаясь рассмотреть свое отражение в стеклах шкафов с медикаментами в процедурном кабинете. Зеркала в ее палате не было.

Оставалось надеяться, что результат операции порадует.

Часто заходил Георгий Рубенович, он выглядел довольным, почти счастливым. Честно признался:

– Не терпится посмотреть, что там, – и кивнул на бинты.

Она потрогала лицо и кивнула в ответ. Сказать ничего не смогла и даже не пыталась. Посылала маме SMS, сплошь радостные. «Все хорошо». «Лежу, смотрю телевизор, счастлива...» «Не беспокойся, операция прошла успешно...» «Целую, люблю, у меня все нормально...» Так прошло две недели...

В клинике за это время произошел ряд событий. Сначала все находились в состоянии эйфории от успешно проведенной операции. Даже не видя ее результата, все равно успешной, раз пациентка жива-здорова и проходит период реабилитации. О второй девушке старались не вспоминать и тем более не говорили. Как будто ее и не было.

На пятый день Георгий Рубенович вызвал к себе в кабинет Валью. Начал издали:

– Как наша любимая пациентка?

– Все время просит есть. Я за стул беспокоюсь, ей же напрягаться нельзя. Не дай бог, швы разойдутся. Питание диетическое, внутривенно глюкоза... – начала перечислять Валья.

– Молодец! – похвалил ее Георгий Рубенович. – Ты вот что...

Он замялся, достал сигарету, нервничая, закурил.

– Что в клинике говорят?

– В каком смысле?

– О модели.

– О Рине? А что о ней говорить? Она же умерла!

– Что с телом делать будем?

– А я думала... думала, вы позвоните...

– Куда?

– Ну я не знаю...

- И я не знаю.
- Может, в милицию?
- С ума сошла? – пепел упал с сигареты на стол, Георгий Рубенович поморщился от досады.
- Ну, в морг.
- В какой? И как объяснить?
- Да мало ли находят трупов? У меня знакомый в милиции работает, так он рассказывал...
- Может, обратиться к твоему знакомому? Шучу. Ты, вот что... – Георгий Рубенович ткнул в пепельницу окурок. – Всем выпишу премию в размере месячного оклада. А тебе – больше. Если поможешь.
- Как?
- Нам надо вывезти тело Рины за город.
- Георгий Рубенович!
- Что Георгий Рубенович? Мне нужна помощница. Один я не справлюсь. Сколько ты хочешь денег?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.